

Олаф
СТЭЙНДОН

ПОСЛЕДНИЕ
И ПЕРВЫЕ
ЛЮДИ

Олаф Стэплдон

**Последние и первые люди:
История близлежащего
и далекого будущего**

«Автор»

1930

Стэплдон О.

Последние и первые люди: История близлежащего и далекого будущего / О. Стэплдон — «Автор», 1930

«Последние и первые люди» – известнейшее произведение мастера английской социально-философской литературы первой половины XX в. Олафа Стэплдона. От современности – до грядущей гибели нашего мира, от создания Вселенной – до ее необратимого разрушения. Эсхатологическая философская концепция Стэплдона, в чем-то родственная визионерству, а в чем-то и параантропологии, в максимальной степени выражена именно в этих работах-притчах, оказавших заметное влияние на творчество Леви-Стросса и Ричарда Баха.

© Стэплдон О., 1930

© Автор, 1930

Содержание

Создатель звезд, туманностей и человеков	5
Предисловие	8
Вступление (написанное одним из последних Людей)	11
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	14
I. Балканская Европа	14
1. Европейская война и последующие годы	14
2. Англо-французская война	15
3. Европа после англо-французской войны	20
4. Русско-германская война	24
II. Падение Европы	27
1. Европа и Америка	27
2. Истоки загадки	29
3. Европа убита	33
III. Америка и Китай	35
1. Соперники	35
2. Конфликт	40
3. На острове в океане	43
IV. Американизированная планета	48
1. Создание первого Всемирного Государства	48
2. Влияние науки	50
3. Материальные достижения	51
4. Культура Первого Всемирного Государства	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олаф Стэплдон

Последние и первые люди: История близлежащего и далекого будущего

Создатель звезд, туманностей и человеков

Впервые широкий советский читатель узнал о романе «Последние и первые люди» из предисловия Александра Казанцева к сборнику «Научно-фантастические рассказы американских писателей» в 1960 году. А. Казанцев излагал содержание романа «американского фантаста Аллафа Стебельдога» лаконично, но красочно: «На страницах романа не только упирались в облака огненные фонтаны, не только разверзалась от взрывов земля и сходили с ума от ужаса люди. В нем подробно рассказывалось о цепной реакции атомного распада, лежащей в основе изготовления урановой бомбы. ФБР обвинило автора в разглашении сверхсекретной информации, так называемого „Манхэттенского проекта“. Фантаста спасло от расправы лишь то, что его роман был издан гораздо раньше, чем физиками были сделаны открытия, легшие в основу урановой бомбы». Историю эту с некоторыми несущественными изменениями (иногда называя автора, к примеру, Адольфом Спедельдогом) А. Казанцев периодически вспоминал в последующие 30 лет, ничуть не заботясь тем, что к реальности она не имела никакого отношения...

Уильям Олаф Стэплдон родился 10 мая 1886 года в семье Уильяма Клиббетта Стэплдона и Эммелайн Миллер в небольшой деревушке Мерсисайд близ Уолласи (графство Чешир, Великобритания). Первые годы жизни провел в Египте, где отец имел судостроительную компанию, затем учился в школе, получил звание магистра истории в Байольском колледже в Оксфорде. Работал в школе, у отца в компании в Порт-Саиде, преподавал на вечерних курсах при Ливерпульском университете. Когда началась первая мировая война, четыре года служил братом милосердия в квакерском походном госпитале во Франции (оружие брать в руки отказался, так как был пацифистом). После войны женился и вскоре защитил диссертацию по философии в Ливерпульском университете, где занял пост профессора психологии, философии и промышленной истории.

В 1930 году вышел его первый роман «Последние и первые люди: история близкого и далекого будущего», действительно представивший самую масштабную в фантастике историю будущего, охватившую двухмиллиардолетнюю эволюцию разума на Земле и в Солнечной системе. Позже Стэплдон написал романы «Последние люди в Лондоне», «Странный Джон», «Создатель звезд», «Тьма и свет», «Сириус», «Из смерти в жизнь», «Разделенный человек», «Создатель туманностей» (не закончен). В 1949 году побывал в Соединенных Штатах в качестве британского делегата Культурной и Научной Конференции Мира в Нью-Йорке (не подвергаясь, естественно, никакому преследованию со стороны ФБР). Скончался Олаф Стэплдон 6 сентября 1950 года.

История будущего, предложенная английским философом семьдесят с лишним лет назад, на первый взгляд кажется жутким анахронизмом. Это впечатление лишь усилится, когда читатель посмотрит на ближайшее будущее, описанное Стэплдоном, которое для нас является уже прошлым. Предсказания Стэплдона или не сбылись, или сбылись совсем не так, мы встретили третье тысячелетие совсем не в таком мире, какой описан в «Последних и первых людях». Компьютеры и всемирная паутина Интернета, клонирование и генная инженерия, на наших глазах ставшие реальностью, – ничего этого нет в 2000 году у Стэплдона. Войны шли не тогда и не так, не была в реальной жизни Германия таким миролюбивым государством, междуна-

родный терроризм не был для Стэплдона таким бичом человечества, каковым он становится нынче.

Более того, за эти семьдесят лет, прошедшие со времени выхода романа, человечество уже открыло многое из того, что по Стэплдону могло открыться лишь спустя века или даже тысячелетия. Даже то, что пока не стало реальностью, уже не представляется столь фантастическим. Развитие генной инженерии, овладение новыми источниками энергии, преобразование человеческого организма – это уже удел не фантастов, а реальных сотрудников многочисленных лабораторий... И наоборот, уже сейчас ясно, что ближайшее (а значит, и далекое) будущее невозможно без появления совершенно новых информационных технологий, которые на наших глазах преображают мир. У Стэплдона же мы практически не найдем ни роботов, ни киборгов, ни искусственного интеллекта.

В общем-то, это не удивительно. Экспоненциальный характер развития современной науки гарантирует невозможность даже приблизительных прогнозов, особенно на большие промежутки времени. Говорить о чем-то, что произойдет через сто-двести лет, если делать это серьезно, по крайней мере, слишком самонадеянно. И Стэплдон здесь не одинок. Более поздние попытки заглянуть в будущее, произведения 60-80-х годов прошлого века, также стремительно устаревают, когда мы говорим об общей картине развития технологий. Уже сейчас ясно, что ближайшие пятьдесят, к примеру, лет столь существенно и столь непредсказуемо изменят картину мира, что никакой примитивный перенос нынешних тенденций в грядущее не позволит увидеть его хоть сколько-нибудь ясно и выразительно. Разумеется, экспоненциальное развитие не является единственной альтернативой, и здесь вполне уместно вспомнить метафорический образ, использованный Лемом в «Сумме технологии», цивилизационного движения как прыжков со льдины на льдину во время ледохода.

И в этой связи можно совершенно по-иному взглянуть на историю будущего Стэплдона. Конечно же, он не был столь самонадеян, чтобы считать, что нарисованная им картина восхождения человечества является хотя бы приблизительным прогнозом развития цивилизации. Но эта картина имеет одну очень интересную особенность. Можно критиковать, можно придираться почти к любой частности повествования. Но если отойти от них и попытаться окинуть взглядом двухмиллиардную историю человечества по Стэплдону целиком можно увидеть закономерности и тенденции, которые мы не увидим более ни в одной работе, ни в фантастике, ни в философии, ни в историософии.

История Людей по Стэплдону – это история возвышений человечества и его падений. Или, по-другому, история противоборства Природы и Человека. Именно Природа, «Гомеостатическое Мироздание», если воспользоваться термином братьев Стругацких, противопоставлена Людям Стэплдона. Она изощрена и терпелива, эта неперсонифицированная леди, но своего не упустит. Вот лишь некоторые способы борьбы с Людьми, изображенные фантастом-философом: гигантские катаклизмы на планете, вызванные попытками освоить новые источники энергии; космическое вторжение; падение Луны; яркое разгорание Солнца; наконец, «фиолетовая напасть», которая вызывает цепную реакцию яркого разгорания звезд Солнца, сводя на нет все попытки Шестнадцатых Людей выжить или создать новую цивилизацию, способную продолжить род человеческий. Противостояние Природы и Человека постоянно нарастает, Космосу приходится использовать всё более мощные и непредсказуемые средства, чтобы поставить Людей на место.

Каждая катастрофа отбрасывает человечество на самый низкий уровень цивилизованности: чем выше взбираются Люди Стэплдона, тем страшнее падение. Но и Человека писатель наделяет недюжинным умением выживать: трансформируя себя и окружающую среду, Человек выбирается из очередной инволюционной пропасти и поднимается выше своих предшественников. Трагедия Стэплдона оптимистична, несмотря на то, что роман завершается полным разгромом Людей. Согласитесь, продержаться два миллиарда лет – это вам не баран чихнул!

Следует хотя бы кратко упомянуть о других произведениях Стэплдона, в том числе не вошедших в настоящее издание. Прежде всего, это еще более грандиозная история уже не только человечества, но всего универсума в романе «Создатель звезд», где представлены не только космологические гипотезы, но и предпринята попытка описать совершенно необычные формы, которые может принимать разум в необозримых пространствах Вселенной. Несмотря на противоречивый характер эволюционирующего Создателя звезд, идея «прорастания» разума в любой материальной среде, его стремления объединиться в некий Космический Разум, своеобразную вселенскую «ноосферу», захватывает дух!

Трагическую историю взаимоотношений человечества с мутантами-сверхлюдьми представляет роман «Странный Джон», о котором весьма скупой на похвалы Станислав Лем сказал: «Никто еще лучшей вещи [о становлении сверхчеловека] не написал, и, сдается мне, вряд ли кто-либо сможет Стэплдона перещеголять». Еще один вариант встречи с иным разумом описан в романе «Сириус» – это история собаки, которую наделили разумом и чувствами, написанная на редкость душевно и человечно.

Несмотря на то, что книги Стэплдона были высоко оценены пришедшими после него в фантастику авторами, следует признать, что никто из них даже не рискнул попытаться сотворить что-нибудь подобное. К сожалению, подавляющее большинство фантастов боится или просто не в состоянии «замахнуться на большое», дать волю своему воображению и окинуть взором время и пространство, чуть ли не отдавая свое право на фантазию ученым, еще способным на «безумные гипотезы». Ушли в прошлое психологически-социальные попытки рассмотреть вероятностные (желательные, или, наоборот, потенциально опасные) варианты развития человечества (подобные построениям Замятина, Оруэлла, Лема, Ефремова, Стругацких). В большинстве построений универсумов грядущего оно выступает лишь в качестве фона для повествования о сказочной истории, ничем не отличающейся по сути от фэнтезийного сказания о вековых сражениях противоборствующих индивидуумов, добывающих «огнем и мечом» (мечи могут быть лазерными, атомарными или еще сколь-нибудь фантастическими по мелочам, но столь же архаичными подобиями первобытной дубинки) пропитание, партнера для совокупления, власть над себе подобными (или воображаемыми «чужими»)...

Понятно, что далеко не многие могут подняться до столь философски-обобщающих, отнюдь не явных (и, прямо скажем, вовсе не обязательно верных) оценок тенденций развития человечества, характерных для книг Стэплдона. Понятно, что придумать отдельные фантастические прибабасы (или собрать мозаику из уже существующих в литературе деталей) гораздо проще, чем представить и описать логически цельную и системную картину. Понятно, что сочинить коммерчески выгодную сказочку о противоборстве «добра» и «зла», не озабочиваясь реальными проблемами, легче, чем мыслить о глобальном и общем. И всё-таки практическое отсутствие работ, которые могли бы хоть в малой степени сравниться с книгами Стэплдона, поражает. Ужель оскудело человечество талантами воображения и цепкого всматривания в грядущее?

Владимир Борисов

Предисловие

Это произведение относится к разряду вымысла. Я попытался сочинить историю, которая может показаться вполне возможным или, по крайней мере, не абсолютно невозможным рассказом о будущем человека; и я попытался сделать этот рассказ достаточно актуальным по отношению к тем переменам, что имеют сегодня место в человеческом мировоззрении.

Стремление приукрасить будущее может показаться уступкой ради спасения прекрасного. Однако управляемое воображение в этой области может оказаться весьма полезным упражнением для умов, озадаченных настоящим и его потенциальными возможностями. Сегодня нам следует приветствовать, и даже изучать, каждую серьезную попытку предвидения будущего рода человеческого – не только для того, чтобы ухватить самые разнообразные и зачастую трагические перспективы, с которыми нам предстоит столкнуться, но также и потому, что мы сами можем ознакомиться с несомненным фактом, что многие из столь дорогих нашему сердцу идеалов должны показаться легкомысленными и незрелыми для более развитого сознания. Идеализация далекого будущего, к тому же, является попыткой представить человеческую расу в космическом окружении и приготовить наши сердца к восприятию новых ценностей.

Но чтобы такое мысленное построение одного из вероятных будущих оказалось достаточно убедительным, наше воображение должно находиться в жестких рамках. Надо стараться не выходить за границы возможного, установленные тем особым состоянием цивилизации, в которой живем. Голая фантазия имеет слабую силу – не ту, что нужно искать на самом деле, чтобы предсказать, что именно произойдет, потому что в нашей настоящей жизни такое предсказание бесполезно и помогает лишь в простейших случаях. Мы не выступаем в роли историков, заглядывающих вперед, вместо того чтобы оглянуться назад. Мы можем лишь выбрать единственную нить из целого клубка разных и в одинаковой степени важных возможностей. Но при выборе у нас должна быть цель. Деятельность, которой мы при этом занимаемся, – это не наука, а скорее искусство, и действие, которое она должна оказать на читателя, должно быть аналогично воздействию искусства.

Однако наша цель не только в том, чтобы создать превосходное в эстетическом смысле фантастическое видение. Мы должны добиться создания не просто истории, не просто фантазии, а мифа. Правдивого мифа, который внутри вселенной с определенной культурой (живой или не существующей) ярко выражает, и зачастую, возможно, трагически, ее наиболее восхитительные стороны. Надуманный миф либо резко нарушает границы правдоподобия, установленные его же собственными культурными формами, либо выражает менее восхитительные стороны, чем те, что находятся в поле зрения его культурного диапазона. Эта книга более похожа на правдивое предсказание, чем на правдивый миф. Но все же она является попыткой создания мифа.

То будущее, которое придумано здесь, не должно, как я думаю, показаться абсолютно фантастическим или, во всяком случае, столь фантастичным, чтобы не иметь некоторого смысла для тех современных людей на Западе, которые знакомы с противоположными взглядами. Выбери я форму, где не было бы вообще никакой фантастики, сама ее правдивость сделала бы ее неправдоподобной. По меньшей мере одна из характеристик будущего здесь может быть почти верной – большая часть его будет именно такой, что мы привыкли называть «невероятным». В одном, пожалуй, важном аспекте я, возможно, могу показаться впадающим в nepозволительную крайность. Я предположил, что обитатель далекого будущего должен связаться с нами, живущими именно сейчас. Я использовал допущение, что у него имеется способность частично управлять деятельностью разума живущих ныне и что данная книга является продуктом такого влияния. Однако и такая выдумка не абсолютно невозможна. Хотя я мог бы, разумеется, очень легко обойтись и без нее, совершенно незначительно изменив тему. Но

введение ее было более чем удобно. Только благодаря такому радикальному и вызывающему замешательство приему я мог использовать возможность, которая присутствует в связанном со временем действии гораздо в большей степени, чем мы можем то определить. Разумеется, только благодаря подобному трюку я смог обосновать, что все наше настоящее сознание является лишь предварительным и не очень удачным этапом первого эксперимента.

Если случится такое, что эта книга будет открыта кем-то из жителей будущего – например, одним из представителей следующего поколения, занятого разборкой оставшегося от предков хлама, – она несомненно вызовет улыбку, потому что здесь отсутствует многое, для открытия чего не было пока никаких предпосылок. И, разумеется, даже при жизни нашего поколения могут произойти столь неожиданные и столь радикальные изменения, что очень скоро эта книга будет выглядеть слишком наивной. Но это неважно. Мы, живущие сейчас, должны задуматься как можно глубже над нашим отношением к окружающей вселенной; и хотя наши предположения покажутся наивными фантазиями людям будущего, их значение для целей сегодняшнего дня от этого не может стать меньше.

Читатели, которые воспримут мою книгу как попытку предсказания, могут посчитать, что она чрезмерно пессимистична. Но это не предсказание; это миф или попытка мифа. Все мы хотим, чтобы будущее оказалось более счастливым, чем я показал его. В особенности мы желаем, чтобы наша современная цивилизация постоянно двигалась к некоему виду утопии. Мысль о том, что она может обветшать и рухнуть и что все ее духовные ценности могут оказаться безвозвратно потеряны, для нас неприятна. Однако это должно быть рассмотрено хотя бы как возможность. И трагедия подобного рода, трагедия расы, должна, как мне кажется, быть отражена в каком-то соответствующем мифе.

И поэтому, раз в наше время явно прорастают как семена надежды, так и семена отчаяния, я изобразил, в чисто эстетических целях, что наша раса уничтожит сама себя. Сегодня мы наблюдаем горячее и искреннее движение за мир и международное единство, и несомненно, что при удаче и разумном управлении этим процессом он может привести к триумфу. Нам следует горячо надеяться, что так и будет. Но в этой книге я изобразил, что это великое движение потерпит крах. Я предполагаю, что оно неспособно предотвратить череду мировых войн, и я позволяю ему достичь цели – единства и мира – лишь после того, как будет разрушен сложившийся менталитет расы. Может быть, этого и не случится! Может быть, Лига Наций, или более серьезный международный орган управления, сделает прорыв вперед раньше, чем станет слишком поздно! Однако позвольте отыскать укромный уголок в нашем сознании или сердце для мысли о том, что вся деятельность нашей расы может оказаться в конце концов лишь мелким и безуспешным эпизодом в более масштабной драме, которая, к тому же, может оказаться трагедией.

Американские читатели, если таковые случатся, могут ощутить, что в повествовании для их великой нации отведена в некотором роде неблагоприятная роль. Я изобразил триумф более грубого вида американизма, чем он представлен в замечательной и многообещающей американской культуре. Может быть, такого никогда не произойдет в реальном мире. Сами американцы, тем не менее, допускают возможность подобного исхода, и, я надеюсь, простят меня за столь подчеркнутое выражение этого и использование их в качестве ранней поворотной точки в этой долгой драме Человека.

При попытке постичь подобную драму следовало принимать во внимание, что может сказать относительно собственной природы человека и его физического окружения современная наука. Я попытался дополнить свои небольшие познания в естественной науке настоящими советами моих друзей-ученых. Особенно мне помогли беседы с профессорами П. Дж. Г. Босуэллом, Дж. Джонстоном и Дж. Райсом из Ливерпуля. Но они ни в малейшей степени не виноваты во многих преднамеренных преувеличениях, которые, хотя и служат цели моего замысла, могут резать слух ученого.

Я весьма обязан доктору Л. Э. Рейду за общие комментарии, а мистеру И. В. Риу – за многочисленные и весьма ценные соображения. И не могу не выразить должную признательность за постоянную поддержку и критику профессору миссис Л. К. Мартин, прочитавшей всю мою книгу в рукописи. А перед изумительным здравомыслием моей жены нахожусь куда в большем долгу, чем она сама предполагает.

Прежде чем закончить это предисловие, хочу напомнить читателю, что рассказчик, проходящий сквозь все последующие страницы, первое и единственное действующее лицо, представляется не как реальный автор, а всего лишь как личность живущая в чрезвычайно далеком будущем.

О. С.
Вест Кирби
Июль 1930

Вступление (написанное одним из Последних Людей)

Эта книга имеет двух авторов, один из которых – современник читателей, а другой – житель той эпохи, которую следует называть далеким будущим. Мозг, что придумывает и пишет эти строчки, живет во времена Эйнштейна. Однако я, истинный вдохновитель этой книги, тот, кто породил ее через его посредство, тот, кто влияет на замысел этого примитивного существа, обитаю в эпохе, которая, по отношению к Эйнштейну, лежит в очень отдаленном будущем.

Пишущий полагает, что он замышляет всего лишь фантастическую повесть. Хотя он и пытается рассказать правдоподобную историю, он не только сам не верит в нее, но и не ожидает, что в нее поверят и другие. Однако история эта правдива. Существо, которое вы назвали бы человеком будущего, взяло под свой контроль послушный, но вряд ли адекватный мозг вашего современника и пытается направить его естественные процессы для достижения чуждой тому цели. Таким образом будущая эпоха получает контакт с вашим временем. Терпеливо выслушайте меня, потому что мы – те, кто является Последними Людьми, искренне желающими связаться с вами, мы – те, кто тоже входит в изначальный род человеческий. Мы можем помочь вам, и нам нужна ваша помощь.

Вы не поверите этому. Ваше знание времени слишком несовершенно и неполно, и поэтому ваше понимание его затруднено. Но дело не в этом. Не ломайте голову над этим фактом, столь трудно постижимым вами и столь знакомым нам, живущим через миллиарды лет. Примите лишь, как нечто необычное, саму идею, что мысль и желание людей будущего могут проникнуть к вам, изредка, без каких-либо затруднений, в том числе в мыслительные процессы ваших современников. Представьте, что вы поверили в это и в то, что последующее хронологическое описание событий является посланием Последних Людей. Хотя бы вообразите допустимость такого доверия. Иначе я не смогу дать жизнь той панорамной исторической повести, которую считаю своим долгом донести до вас.

Когда ваши писатели приукрашивают будущее, они слишком легко представляют себе путь к некоей разновидности Утопии, в которой существа как таковые живут в абсолютном блаженстве посреди условий, превосходно подходящих к устоявшейся натуре человека. Я не собираюсь описывать ни один подобный рай. Напротив, я собираюсь описать гигантские перепады радости и печали, результаты изменений не только в окружающей человека среде, но и в его изменчивой натуре. И я должен рассказать, каким образом в мою собственную эпоху, имея наконец достаточно высокий уровень духовной зрелости и философского склада ума, человек вынужден, в силу непредвиденных обстоятельств, браться за предприятие столь же отчаянное, как и неприятное.

Я приглашаю вас, таким образом, в воображаемое путешествие через эпохи и вечности, лежащие между вашим временем и моим. Я приглашаю вас проследить такую историю перемен, печали, надежды и непредвиденных катастроф, какая не происходила больше нигде внутри пространства, опоясанного Млечным Путем. Но сначала весьма уместно рассмотреть несколько моментов, наиболее значительных в космическом смысле. Потому что сжатая до необходимой компактности повесть, которую мне предстоит рассказать, может показаться всего лишь описанием последовательности приключений и катастроф, выстроенных одна за другой без какого-либо разумного порядка. Но на самом деле жизненный путь человечества похож скорее не на горный поток, спешащий с камня на камень, а на огромную медленно текущую реку, очень редко прерываемую порогами. Эпохи покоя, часто напоминающие абсолютную стагнацию, заполненные монотонными делами и тяжелым трудом огромного числа почти полностью схожих жизней, прерываются редкими моментами авантюры отдельных наций. Более того, даже те немногие, очень быстрые с виду явления были на самом деле зачастую вялотеку-

щими и скучными. Они достигали иллюзии быстроты лишь по сравнению со скоростью общего течения событий.

Глубины времени и пространства, хотя, разумеется, и могли быть смутно постигнуты даже примитивным разумом, не смогли сохраниться в воображении существами, не обладающего достаточно богатой натурой. Общий обзор горной гряды представляется простодушному взору почти равниной, а звездная пустота – крышей, пронизанной лучами света. Однако на самом деле, в то время как ближайшая местность может быть обследована за часовую прогулку, линия горизонта, покрытая горными пиками, скрывает в себе равнину за равниной. Точно так же обстоит дело и со временем. Тогда как ближайшее прошлое и близлежащее будущее отражаются как взаимно связанные глубины, удаленная безграничность времени в перспективе укорачиваются. Для обыденного ума почти непостижимо, что вся история человечества может быть всего лишь каким-то мгновением в жизни звезд, и что отдаленные события замкнуты внутри себя, в своих эпохах.

В свое время вам приходилось учиться делать вычисления, оперируя численными значениями времени и пространства. Но чтобы охватить излагаемое мной в нужных пропорциях, необходимо проделать нечто большее, чем вычисления. Необходимо поразмышлять над этими величинами, настроиться на понимание их, прочувствовать собственную ничтожность здесь и сейчас и того момента цивилизации, который вы называете историей. Вы не можете даже надеяться вообразить, как это обычно рекомендуется, столь огромные соотношения, как, например, единица в одной тысяче миллионов, потому что ваши органы чувств, и вследствие этого ваше восприятие, слишком крупнозернисты, чтобы выделять столь малые частицы из их общего поля. Но вы можете путем одних лишь раздумий охватить более непрерывно и уверенно смысл и важность ваших вычислений.

Люди вашего времени, оглядываясь на прошедшую историю их планеты, замечают не только длительность времени, но также потрясающее ускорение жизненного прогресса. Еле ползущий в ранние периоды развития Земли, в ваши дни он кажется безудержным. Заметьте, что он не просто занимает более высокий уровень, чем раньше, в отношении способности восприятия, знаний, интуиции, тонкости восхищения и разумности желания, но и ускоряется от столетия к столетию, и ускоряется все быстрее. Что дальше? Несомненно, думаете вы, должно наступить время, когда больше не останется непокоренных вершин.

Такой взгляд ошибочен. Вы недооцениваете даже подножья холмов, что стоят перед вами, и ничуть не подозреваете, что далеко над ними, скрытые облаками, раскинулись ущелья и снежные поля. Умственные и духовные успехи, которые в ваши дни, заметьте, все еще ограничены Солнечной системой, необычайно сложнее, обоснованнее и опасней, чем те, что уже были достигнуты ранее. И хотя в некоторых простых отношениях вы и добились полного развития, более высокий потенциал вашей духовности еще даже и не начал давать побегов.

Так или иначе, далее мне следует помочь вам ощутить не только безграничность пространства и времени, но также и широкое разнообразие способов мышления. Но это я использую лишь в качестве намека, поскольку слишком много всего лежит за границами вашего воображения.

Историки, живущие в ваши дни, обычно рассматривают всего лишь один момент из общего потока времени. Мне же предстоит представить в одной книге сущность не отдельных столетий, а целых эпох. Совершенно ясно, что мы не можем просто на досуге прогуляться по такому пути, на котором миллион земных лет эквивалентен всего лишь году в понимании ваших историков. Мы должны лететь. Мы должны путешествовать так, как это делаете вы на своих аэропланах, обозревая лишь общие контуры континента. Но поскольку пилот не видит никого из находящихся под ним обитателей – хотя, однако, именно они и являются теми, кто делает историю – мы еще должны перемежать наш быстрый полет с множеством спусков, скользя над самыми крышами домов, и даже иногда высаживаться в критических точках,

чтобы оказаться лицом к лицу с отдельными людьми. И как воздушное путешествие должно начаться от перемещения ограниченного взгляда пешехода к более широким горизонтам, так и мы должны начать до некоторой степени похожий осмотр с того небольшого периода, который включает кульминацию и падение вашей собственной примитивной цивилизации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

I. Балканская Европа

1. Европейская война и последующие годы

Обратим теперь взгляд на вашу собственную историческую эпоху, как она представляется сообществу Последних Людей.

Задолго до того, как человеческий дух ожил, чтобы пролить свет на основы мироздания и свои собственные, он временами пробуждался, озадаченно открывая глаза, и засыпал вновь. Один из таких моментов самого раннего жизненного опыта заключает в себе все усилия, весь путь Первых Людей от первобытного состояния к цивилизации. Внутри этого периода вы находитесь почти в той самой точке, когда биологический вид достигает своего наивысшего развития. Едва ли не вся лежащая за пределом вашего времени ранняя культура должна казаться прогрессирующей, и вот уже в ваше время интеллект расы обнаруживает признаки упадка.

Первым и, по общему мнению, важнейшим достижением вашей собственной «Западной» культуры было понимание двух идеалов поведения, так необходимых для духовного процветания. Сократ, на самом деле философствующий лишь для собственного удовольствия, а не для практических нужд, возвеличил беспристрастное рассуждение, добродетель ума и речи. Христос, восхищавший окружающих его людей, в этом аромате божественности, которая, для него, пронизывала весь мир, символизировал пример бескорыстной любви к ближним и к Богу. Сократ пробудил окружающих к идеалу беспристрастного ума, Иисус – к идеалу страстного, хотя и самозабвенного, поклонения. Сократ выдвигал честность и прямоту разума, Иисус – честность и прямоту желаний. Каждый из идеалов, разумеется, хотя и начинался с разных акцентов, включал в себя черты другого.

К сожалению, оба идеала требовали от человеческого мозга такой жизненной силы и совершенства в следовании логике, на которые реально никогда не была способна нервная система Первых Людей. На протяжении многих веков эти звезды-близнецы безрезультатно манили к себе наиболее развившихся человеческих особей из общего стада людей-животных. Их неспособность практически реализовать эти идеалы дала возможность развиваться в расе циничной апатии, которая и была одной из причин ее разложения.

Но были и другие причины. Люди, из которых вышли и Сократ и Иисус, также находились среди первых, которые чувствовали восторг перед Судьбой. В греческом искусстве трагедии и в иудейской вере в божественность закона, равно как в индийском смирении, человек узнавал на опыте, сначала очень смутно, то видение внеземной и божественной красоты, которая должна возвеличивать его и ставить в тупик, снова и снова, на всем его жизненном пути. Противоречие между этим поклонением и непреклонной тягой к Жизни, борющейся со Смертью, оказывалось неразрешимым. И хотя некоторые отдельные личности были весьма искусными в этом, в целом человеческая раса вновь и вновь испытывала затруднения в своем духовном развитии из-за этой величайшей дилеммы.

А пока человек был сбит с толку и соблазнен этими преждевременными познаниями. Действительное социальное устройство его мира продолжало меняться так стремительно, благодаря растущему господству физической энергии, что его примитивная натура не могла больше справляться со сложным многообразием его окружения. Животные, что были приспособлены для охоты и сражения в диком мире, неожиданно были призваны стать гражданами, и более того, гражданами мировой человеческой общности. В то же самое время они обнару-

жили себя обладающими определенными и весьма опасными силами, которые их слабо развитый разум не мог надлежащим образом использовать. Человек старался держаться; но, как вы узнаете, он не выдержал нагрузки.

Европейская война, объявленная «войной до победного конца», была первым и наименее разрушительным из тех мировых конфликтов, которые так трагически отразили неспособность Первых Людей управлять их собственной человеческой природой. Исходным пунктом клубка мотивов, отчасти благородных, отчасти постыдных, послужил конфликт, для которого оба соперника были очень хорошо подготовлены, хотя ни один из них всерьез не собирался затевать его. Существовавшая разница в нравах между романской Францией и нордической Германией сочеталась с поверхностным соперничеством между Германией и Англией и с рядом до глупого грубых жестов со стороны части правительства Германии и ее военного командования с целью разделить мир на два лагеря. Однако было невозможно указать существовавшие между ними принципиальные разногласия. Во время этой борьбы каждая сторона была убеждена в том, что лишь она одна отстаивает основы цивилизации. Но фактически обе стороны время от времени не сдерживали всплесков неприкрытой грубости, и обе успешно поддерживали действия не столько героические, сколько исполненные великодушия и благородства, столь необычные для Первых Людей. Потому что поведение, которое для более просвещенных умов кажется всего лишь нормальным, в те дни могло проявляться только благодаря редкой дальновидности и самообладанию.

Пока тянулись месяцы затяжного противостояния, между враждующими нациями начало расти искреннее и даже страстное желание мира и объединенного пространства. Фактически, из родового конфликта поднимается, по крайней мере хотя бы на время, душевный порыв, возвышающийся над устоями племенной обособленности. Но этот порыв пока еще, не имел четкого руководства, не имел даже стойкой убежденности. Мир, каким он стал после европейской войны, является одним из знаменательных моментов древней истории, потому что он в сжатом виде выражает как пробуждающуюся дальновидность, так и неизлечимую слепоту, как импульсивное стремление к высшему всеобщему благу, так и маниакальное стремление к родовой обособленности расы, которая была, все же, лишь несостоявшимся человечеством.

2. Англо-французская война

Один короткий, но трагический инцидент, произошедший примерно через столетие после европейской войны, может быть назван отпечатком судьбы Первых Людей. За это время стремление к миру и разуму превратилось уже в серьезный исторический фактор. Если бы не ряд неблагоприятных обстоятельств, должным образом преподнесенных публике, в течение этого наиболее опасного периода в Европе могла бы доминировать партия мира, а через Европу – и во всем мире. В случае меньшей злополучности или при дополнительной доле дальновидности и самообладания в этот важный период, могло бы и не настать той эпохи тьмы, в которую было суждено погрузиться Первым Людям. Будь победа приобретена раньше, чем общий уровень сознания начал ощутимо падать, попытка всемирного государства могла бы рассматриваться не как окончательный, но как первый шаг к истинной цивилизации. Но этому не было суждено состояться.

После европейской войны потерпевшая крах нация, некогда бывшая не менее воинственной, чем другие, стала наиболее пацифистской и превратилась в оплот просвещенности. Почти повсюду, разумеется, происходили глубинные перемены, затрагивающие основы общественного устройства, но особенно это было заметно в Германии. С другой стороны, победители, несмотря на их действительное стремление быть человечными и великодушными и открыть двери в новый мир, были втянуты – отчасти своей собственной родовой обособленностью, отчасти слепой дипломатией своих руководителей – во все пороки, в крестовом походе про-

тив которых, по их собственному убеждению, они и участвовали. После недолгого периода, во время которого они безнадежно старались наладить друг с другом дружественные отношения, они начали в очередной раз потакать прямым конфликтам. Из этих конфликтов два следует рассмотреть особо.

Первой встряской, не слишком губительной для Европы, была скоротечная и абсурдная схватка между Францией и Италией. С момента падения древнего Рима итальянцы были больше известны в искусстве и литературе, чем в военном деле. Но героическое освобождение Италии, в девятнадцатом веке от рождества Христова, сделало итальянцев слишком чувствительными к национальному престижу; и с тех пор, как среди населения Запада сила нации стала измеряться в единицах воинской доблести, итальянцы подогревались, благодаря их успеху в борьбе против пошатнувшегося иностранного порабощения, чтобы продемонстрировать собственное совершенство против обвинений в посредственности на поле битвы. Однако после европейской войны Италия пережила период социального упадка и неуверенности в собственных силах. Впоследствии очень популярная, но с явным национальным уклоном партия взяла контроль над государством и позволила итальянцам обрести новое чувство собственного достоинства, основанное на реформе социальных служб и на милитаристской политике. Поезда стали ходить без опозданий, улицы стали чище, мораль приобрела пуританский оттенок. Авиационные достижения принесли славу Италии. Молодежь, наряженная и обученная играть роль солдат с настоящим оружием в руках, была убеждена в том, что ей следует считать себя спасительницей нации, была готова пролить кровь и быть использованной для выполнения воли правительства. Все движение в целом было создано, в основном, одним человеком, чья гениальность в действиях сочеталась с ораторским искусством и примитивностью мышления, что позволило ему сделаться весьма преуспевающим диктатором. Почти чудом ему удалось вымуштровать итальянскую нацию, вернуть ей деловитость и сноровку. В то же самое время, с огромным эмоциональным подъемом и абсолютным отсутствием юмора он возносил итальянскую заносчивость и склонность к «экспансии», расширению. И поскольку итальянцы были мало способны к восприятию идеи об ограничении собственного населения, это расширение было реальной необходимостью.

Так случилось, что Италия, давно уже покушавшаяся на французские территории в Африке, завидующая лидирующему положению Франции среди романских народов, возмущенная защитой, предоставляемой во Франции итальянским «предателям», стала все более склонной к ссоре с наиболее развитым из своих недавних союзников. Произошел пограничный инцидент, воображаемое «надругательство над итальянским флагом», который в конце концов и вызвал несанкционированный рейд на французскую территорию небольшой группы итальянских солдат. Участники налета были схвачены, но французская кровь уже пролилась. Последовавшее требование извинений и компенсаций было в меру жестким, но утонченно-оскорбительным для итальянского достоинства. Итальянские патриоты привели себя в состояние близорукой ярости. Диктатор, отнюдь не собиравшийся приносить извинения, был вынужден потребовать освобождения захваченных солдат и в конечном счете объявить войну. После единственного короткого сражения многочисленные французские войска вторглись в северную Италию. Соппротивление, даже поначалу героическое, вскоре стало хаотичным. Итальянцы с ужасом очнулись от своих мечтаний о военной славе. Толпа обратилась против диктатора, которого они сами и вынудили объявить войну. В театральной, но достаточно смелой попытке пересилить римскую толпу, он потерпел поражение и был убит. Новое правительство заключило поспешный мир, уступая Франции приграничную территорию, которую та уже и без того аннексировала «в целях безопасности».

С тех пор итальянцы уже менее стремились затмить славу Гарибальди, а более – превзойти величайшую славу Данте, Джотто и Галилея.

Теперь Франция стала полным хозяином на европейском континенте; но имея многое, что могло быть потеряно, она вела себя заносчиво и вызывающе. И прошло немного времени до того, как в очередной раз мир был нарушен.

Когда последние ветераны европейской войны доживали свои дни, длительное соперничество между Францией и Англией достигло своей кульминации в споре между их правительствами по «вопросу о сексуальном преступлении», как говорили, совершенным французским солдатом-африканцем по отношению к англичанке. В этом скандале английское правительство оказалось в ложном положении и, вероятно, было сбито с толку своими собственными сексуальными ограничениями. Изнасилования просто не было. Факты же, давшие почву слухам, были таковы, что неработающая и истеричная англичанка на юге Франции, имевшая пристрастие к железным объятиям «пещерного человека», сама заманила капрала-сенегальца в свою квартиру. Когда, позже, он начал проявлять признаки скуки и невнимания, она решила отомстить, заявив, что он грубо напал на нее в лесу за городом. Этот слух был того сорта, какой все англичане были слишком склонны смаковать и какому склонны верить. В то же время английские медиамагнаты не могли отказаться от возможности спекуляций на чувстве национальной общности, родовой замкнутости и лицемерии. Последовала целая эпидемия оскорблений и незапланированных актов насилия против французов в Англии; и поэтому воинственная милитаристическая партия во Франции получила возможность, которую так долго искала. Потому что реальная причина этой войны была связана с воздушным могуществом. Франция убедила Лигу Наций (в момент ее наименее крепкого положения) ограничить размер военных самолетов таким образом, что в то время как Лондон находился в зоне легкой досягаемости от французского побережья, то Париж мог быть доступен Англии лишь с большими трудностями. Очевидно, что такое положение дел не могло длиться долго. Британия все более и более упорно возмущалась, требуя отмены ограничений. С другой стороны, наблюдалось растущее требование за полное авиационное разоружение во всей Европе; и партия здравого смысла была так сильна во Франции, что французское правительство было готово вот-вот принять подобное предложение. Поэтому, учитывая оба фактора, милитаристы во Франции были готовы нанести удар, пока еще существовала такая возможность.

В одно мгновение плоды всех усилий по разоружению были уничтожены. Та едва уловимая разница в менталитете, которая одна лишь препятствовала тому, чтобы эти две нации поняли друг друга, была неожиданно расширена этим провокационным инцидентом до явно неразрешимого несогласия. Англия вернулась к своему убеждению, что все французы – сластолюбцы, в то время как для Франции англичане представлялись, как часто бывало и прежде, наиболее агрессивными из ханжей. Напрасно пытались наиболее разумные головы в обеих странах требовать придерживаться основных правил гуманизма. Напрасно пыталась отрезвленная Германия, заняться посредничеством. И напрасно пыталась Лига, которая в данный момент имела огромную репутацию и власть, угрожать обеим партиям исключением, и даже с наказанием. В Париже пополз слух, что Англия, игнорируя свои международные обязательства, лихорадочно строит теперь огромные самолеты, которые должны сокрушить Францию от Кале до Марселя. И, разумеется, слух этот не был совсем уж голословным, потому что когда сражение уже началось, оказалось, что Британские воздушные силы имеют дальность действия гораздо большую, нежели ожидалось. Однако урон, понесенный Англией в этой войне, был колоссальным. В то время как лондонские газеты только еще оглашали новость об объявлении войны, вражеские самолеты уже появились над городом. За несколько часов треть Лондона лежала в руинах, а половина населения валялась на улицах отравленная. Одна из бомб, упавшая рядом с Британским музеем, превратила в кратер весь Блумсбери, и фрагменты мумий, статуй и манускриптов оказались перемешанными с содержимым магазинов и закусочных для моряков и интеллигенции. Таким образом, в одну минуту была уничтожена большая часть ценных английских реликтов и наивысших человеческих достижений.

Затем произошло одно из тех крайне малозаметных, однако чрезвычайно действенных событий, которые временами задают направление, сохраняемое на века. Во время бомбардировки в подвале на Даунинг-стрит проходило специальное заседание британского кабинета. Правящая в то время партия была достаточно прогрессивной, умеренно милитаристской и делала робкие шаги к космополитизму. Она позволила втянуть себя в этот французский скандал совершенно неумышленно. На этом заседании кабинета один из идеалистически настроенных членов заставил своих коллег признать необходимость решающего жеста героизма и благородства со стороны части британцев. С трудом пробивая свой голос сквозь грохот английских пушек и неистовые взрывы французских бомб, он предложил выступить по радио с таким посланием. «От народа Англии к народу Франции. Катастрофа, свалившаяся на нас, находится в ваших руках. В этот последний час надо забыть всю ненависть и весь гнев. Наши глаза открыты. Мы больше не можем думать о себе как только об англичанах или как только о французах; все мы, прежде всего, являемся цивилизованными существами. Не думайте, что мы повержены, и это обращение всего лишь крик о помиловании. Наше вооружение в полном порядке, и наши ресурсы все еще велики. Однако благодаря откровению, снизошедшему на нас в эти дни, мы прекратим сражение. Ни один самолет, ни один корабль, ни один солдат Британии не совершит больше ни одного враждебного акта. Делайте, что хотите. Пусть лучше наш великий народ погибнет, чем вся раса людей будет вовлечена в этот убийственный водоворот. Но и вы не нанесете новый удар. Как наши сердца сейчас открыты окончательному падению, так и ваши должны быть открыты для акта всеобщего братства. Души Франции и Англии различны. Это различие достаточно глубоко; но оно по сути лишь таково, как отличие осязания и зрения. Без вас мы должны бы были превратиться в варваров. А без нас даже ярчайший дух Франции был бы выражен всего лишь наполовину. Потому что дух Франции живет и в нашей культуре и в самой нашей речи; и дух Англии является тем самым, что исходит от вас в вашем наиболее своеобразном великолепии».

Не было ни одного момента за всю историю человечества, чтобы еще какое-либо правительство со всей серьезностью приняло подобное послание. Будь оно предложено во время предыдущей войны, его автора подняли бы на смех, прокляли и, возможно, даже убили. Но с тех пор очень многое изменилось. Возросшие связи, расширение культурного общения и длительные энергичные компании за космополитизм изменили сознание Европы. И даже в этих условиях, когда, после короткой дискуссии, правительство распорядилось, чтобы это необычное послание было отправлено, его члены были напуганы собственными действиями. Поскольку выразил его лишь один из них, они пребывали в состоянии неуверенности: были они одержимы дьяволом или богом, но то, что были одержимы – не вызывало сомнения.

Этой ночью люди в Лондоне (те, что еще остались) испытали духовную экзальтацию. Распад городской жизни, потрясение от физических мук и жалости, осознание беспрецедентного духовного акта, к которому каждый человек чувствовал себя сопричастным, – все эти воздействия объединились, создавая, даже в суете и смятении разрушенной столицы, определенный сдержанный пыл и глубокое умиротворение разума, абсолютно несвойственные лондонцам.

Между тем, нетронутый север не знал, то ли принимать неожиданный пацифизм властей за малодушие, то ли за удивительно смелый жест. Однако очень скоро и там начали понимать необходимость такой нравственности и склонились к последнему мнению. Париж был разделен этим посланием на громко заявившую о себе партию победы, и едва слышную партию замешательства и смущения. Но по мере того как время шло и первая настаивала на продолжении агрессивной политики, вторая обрела голос, чтобы закричать «Да здравствует Англия, да здравствует гуманизм!» И теперь так сильно было стремление к космополитизму, что результат был бы почти безусловно триумфом разума, не случись в Англии ситуация, которая опрокинула весь зыбкий курс попыток в противоположное направление.

Бомбардировка произошла в пятницу ночью. В субботу отзвуки великого английского послания как эхо прокатились по всем нациям. Этим вечером, когда туманный и мокрый день катился к мертвенно-бледному закату, над западными окраинами Лондона появился французский самолет. Он постепенно снижался и был принят наблюдателями за посланца мира. Он шел все ниже и ниже. Было видно, как что-то отделилось от него и упало вниз. Через несколько секунд колоссальный взрыв прозвучал по соседству со школой и королевским дворцом. В школе были ужасные разрушения. Дворец же просто исчез. Но самым большим ударом по делу мира оказалось то, что в этом взрыве погибла прекрасная и очень популярная молодая принцесса. Ее тело, непотребно искалеченное, но все еще узнаваемое каждым постоянным читателем иллюстрированных газет, было выброшено на высокую парковую ограду рядом с самой оживленной магистралью, ведущей к городу. Немедленно после взрыва вражеский самолет с грохотом рухнул вниз, объятый пламенем, и разбился вместе со всем экипажем.

Минутное трезвое размышление убедило бы всех наблюдателей, что это несчастье случайное, что самолет этот был всего лишь застигнут непогодой и отстал от общего строя, терпящий бедствие, а вовсе не посланец ненависти. Но узревшее искалеченные тела школьников и терзаемое криками боли и ужаса население было не в состоянии делать логические выводы. К тому же еще и принцесса, необыкновенно сильный чувственный символ и знак родового обособления, убитая и выставленная перед взорами ее поклонников.

Новости облетели всю страну, разумеется искаженные таким образом, что не оставляли никаких сомнений, что этот акт – последняя проделка сексуальных маньяков с противоположной стороны Ла-Манша. За какой-то час настроение Лондона резко изменилось, и все население Англии впало в припадок первобытной ненависти, куда более непомерной, чем та, что проявлялась в войне с Германией. Британские военно-воздушные силы, полностью снаряженные и хорошо подготовленные, были направлены на Париж.

Тем временем во Франции пало милитаристское правительство, и управление перешло к партии мира. Пока улицы все еще были переполнены его митингующими сторонниками, упала первая бомба. В понедельник утром Париж был уничтожен. Затем последовало несколько дней сражений между силами морской артиллерии и настоящая бойня мирного населения. Несмотря на французскую храбрость и отвагу, более превосходная организация, лучшая оснащенность и осмотрительная смелость британских воздушных сил вскоре создали обстановку, при которой с земли не смог взлететь ни один французский самолет. Но если Франция оказалась разбита, то и Англия была слишком сильно покалечена, чтобы продолжать закрепление своего успеха. Каждый город и в той и в другой стране был полностью разорен. Голод, беспорядки, грабежи и мародерство, а над всем этим – быстро нарастающее и совершенно бесконтрольное распространение болезней, разлагающее оба государства и создающее передышку в войне.

Разумеется, прервались не только военные действия. Сами нации были слишком дезорганизованы и разбиты, чтобы продолжать даже ненавидеть друг друга. Усилия обеих стран были направлены лишь на попытку предотвратить полное вымирание от голода и эпидемий. И в этой восстановительной работе они всецело зависели от помощи со стороны. Управление обеими странами было временно возложено на Лигу Наций.

Очень важно сравнить настроение в Европе тех дней с тем, что последовало за европейской войной. Хотя раньше и имели место реальные попытки объединения, разногласия и подозрительность продолжали иметь место в национальной политике стран. Было множество ожесточенных споров о гарантиях безопасности без потерь и репараций; продолжалось деление всего континента на два противостоящих лагеря, хотя к тому времени это было чисто искусственное, скорее сентиментальное обстоятельство. Но после англо-французской войны стало преобладать совсем другое настроение. Не было разговоров о репарациях, не было попыток поиска безопасности путем союзов. Патриотизм просто постепенно утих на время под влия-

нием чрезвычайного бедствия. Два враждующих народа взаимодействовали с Лигой в работе по возрождению не только самих себя, но и друг друга. Такое изменение сущности произошло отчасти благодаря временному упадку всей национальной организованности, отчасти благодаря быстрому росту влияния в каждой нации пацифистской и антинационалистической лейбористской партии, отчасти благодаря тому факту, что Лига оказалась достаточно мощной, чтобы расследовать и опубликовать всю историю начала войны и представить каждую из сражающихся сторон самой себе и всему миру в неприглядном свете.

Мы только что рассмотрели некоторые подробности инцидента, выделяющегося в истории человечества как, возможно, наиболее драматичный пример события с мелкой причиной и с гигантскими последствиями. Судите сами. Из-за какой-то ошибки или просто неисправности в приборах французский пилот отклонился от курса и потерпел крушение в Лондоне сразу после предложения о мире. Не случись этого, Англия и Франция не были бы почти полностью уничтожены. И, будь война остановлена в самом начале, как это почти и случилось, партия разума во всем мире обрела бы значительную силу; робкое стремление к объединению обрело бы уверенность, которой ему не хватало, доминировало бы над человеком не только во время ужасного отвращения после каждого спазма национального противостояния, но и как постоянная политика, основанная на утвердившемся доверии. В действительности, баланс между импульсами торможения и развития человека в это время был столь хрупким, что если бы не этот мелкий инцидент, то движение, которое было запущено призывом англичан к миру, могло бы продвигаться уверенно и быстро к объединению человеческой расы. И тогда оно могло бы достичь своей цели раньше, а не позже периода деградации разума, который был фактическим результатом длительной эпидемии войн. И, таким образом, Первый Век Тьмы мог бы так и не наступить.

3. Европа после англо-французской войны

Едва заметные прежде изменения теперь начали оказывать свое влияние на весь мыслительный климат планеты. Было прекрасно видно от Америки до Китая, что эта война была всего лишь незначительным нарушением покоя, едва ли большим, чем скандал между задиристыми спорщиками, всего лишь эпизодом из жизни дряхлеющей цивилизации на склоне лет. Выраженная в долларах компенсация убытков не была впечатляющей ни для богатого Запада, ни для потенциально богатого Востока. Британская Империя, это уникальное причудливо переплетенное дерево народов, потеряла с этого момента свое бывшее значение в мировой дипломатии; но поскольку связи, удерживавшие эти народы вместе, теперь стали носить, в основном, духовный характер, Империя не развалилась от несчастий, обрушившихся на ее жизненный ствол. Разумеется, общий страх перед американским хозяйственным империализмом способствовал тому, что колонии сохраняли преданность. Однако эта незначительная ссора на самом деле была непоправимым несчастьем с далеко идущими последствиями. Потому что несмотря на те различия в характерах, которые толкнули Англию и Францию в конфликт, они содействовали, хотя отчасти и невольно, в сдерживании и очищении европейского менталитета. И хотя их ошибки сыграли большую роль в разрушении Западной цивилизации, достоинства, из которых выползли эти пороки, были необходимы для спасения мира, скатывающегося к безудержному фантазерству. Несмотря на укоренившуюся слепоту и скудость французской международной политики и даже еще более гибельную робость английской, их влияние на культуру было вполне благотворным и в тот момент крайне необходимым. Потому что имея полярные взгляды во вкусах и идеалах, эти два народа были, тем не менее, одинаковы в склонности к сомнениям, и их лучшие представители были более способны к расчетливому и в то же время приводящему к действиям рассуждению, чем другие представители Запада. Именно эта особенность и послужила источником их характерных оши-

бок – английская осмотрительность, доходившая порой до смертельной трусости, и известное французское близорукое самодовольство и хитрость, которые выдавались за реалистичность. Английский ум имел несколько разновидностей. Но в целом он был очень широко распространен, из этого и проистекало особое английское влияние на мир. Относительно обособленный, скептический, осторожный, практичный, более терпимый, чем остальные, потому что более самодовольный и менее склонный к страстям, типичный англичанин был способен на благородство и на неприязнь, на героизм и на трусость или циничный отказ от намерений, провозглашенных как жизненно важные для нации и всей расы. Сходные черты французов и англичан могли быть преступными по отношению к человечеству, но только по-разному. Француз вредил слепо, посредством странной неспособности беспристрастного отношения к Франции. Англичанин же вредил через малодушие и трусость, и с открытыми глазами. Среди всех наций они выделялись единением общих ощущений и взглядов. Но точно так же, из всех наций они были наиболее готовы отказаться от своих взглядов во имя общего здравого смысла. Отсюда и их репутация как вероломных.

Разница национальных характеров и патриотических чувств не была в то время самым главным отличием между людьми. Общие традиции или культурная среда создавали некоторое однообразие, однако в каждой нации присутствовали самые разные мыслительные типы, хотя и в разных пропорциях. Наиболее важное из всех культурных различий между людьми – различие между родовой замкнутостью и космополитизмом – и очерчивало национальные границы. Потому что повсюду в мире зарождалось нечто похожее на новую космополитическую «нацию» с новым всеобъемлющим патриотизмом. В каждой стране теперь появился стусок пробужденных умов, которые, каковы бы ни были их нравы, политика и официальная вера, были едины в отношении их преданности человечеству как расе или как отважному духу. К сожалению, эта новая преданность все еще была смешана со старыми предрассудками. В некоторых умах защита человеческого духа была искренне отождествлена с защитой определенной нации, принимаемой за обиталище всего просвещенного. В других, охваченных воинствующей пролетарской преданностью из-за социальной несправедливости, хотя они и были внутри космополитами, заражали как своих героев, так и своих врагов страстью к сектантству и расколу.

Еще одно чувство, менее определенное и осознанное чем космополитизм, также играло некоторую роль в умах людей – преданность бесстрастию ума и путанному восхищению миром, который начинал открываться, миром величественным, огромным, трудно осознаваемым, в котором, по видимости, человек был обречен играть роль небольшую, но трагическую. Во многих расах существовала, без всякого сомнения, некая преданность бесстрастному уму. Но Англия и Франция превзошли всех в этом отношении. С другой стороны, даже у этих двух наций было много такого, что было против такой привязанности. Они, как и все люди этой эпохи, были склонны к приступам безумной эмоциональности. Разумеется, французский ум в большинстве случаев столь наблюдательный, столь реалистичный, столь высокомерно относящийся к двусмысленностям и туманности, столь разграниченный в окончательных оценках, был, тем не менее, столь перегружен идеей «Франции», что был совершенно неспособен к благородству в международных делах. Но именно Франция, вместе с Англией, которая главным образом и инспирировала интеллектуальную прямоту, ставшую самой уникальной и самой яркой нитью Западной культуры не только на территории двух этих наций, но и во всей Европе и Америке. В семнадцатом и восемнадцатом веках от рождения Христова Франция и Англия, понимая намного яснее, чем все остальные народы, потребность к объективному восприятию мира для собственного спасения, основали физическую науку и выделили скептицизм как наиболее конструктивный из всех инструментов ума. На более поздней стадии в значительной мере опять-таки Франция и Англия посредством этого инструмента показали человека и физическую вселенную в их истинных соотношениях; и, в основном, именно избранные из этих двух народов оказались способными злорадствовать по поводу этого впечатляющего открытия.

С упадком Франции и Англии эта великая традиция бесстрастного познания начала исчезать. Теперь Европу вела Германия. И немцы, несмотря на их гений практицизма, их научный вклад в историю, их блистательную науку и строгую философию, внутри были все же романтиками. Эта склонность была их силой и их слабостью. Благодаря этому у них стимулировались их прекрасное искусство и их наиболее глубокие метафизические гипотезы. Но через это же они зачастую приобретали напыщенность и отсутствие самокритичности. Более энергичные, чем другие умы Запада, в решении загадки бытия, менее скептические относительно силы человеческого интеллекта, и по этой причине склонные игнорировать или доказывать несостоятельность необъяснимых фактов, немцы были смелыми систематизаторами. В этом направлении они достигли больших успехов. Без них европейская мысль должна была бы пребывать в хаосе. Но их страсть к порядку и систематизации окружающего, лежащего в беспорядке за внешней оболочкой, зачастую оказывалась слишком пристрастной. На весьма шатких основаниях они уравнивали лестницы, чтобы добраться к звездным вершинам. Таким образом, без постоянной язвительной критики из-за Рейна и Северного моря тевтонский дух не мог бы достичь полного самовыражения. Смутная тревога о собственной сентиментальности и отсутствие беспристрастности склоняли этих великих людей время от времени заявлять о своем возмужании посредством актов зверства и жестокости и компенсировать свою сонную жизнь непрерывными наступательными и блистательно успешными коммерческими успехами; но то, что требовалось им – еще более радикальная самокритика.

За Германией следовала Россия. Там жили люди, чья гениальность требовала, еще больше чем у немцев, дисциплины, подчиненной критическому уму. Со времени большевистской революции, в селениях, разбросанных на этих огромных просторах полей и лесов, и еще больше в крупных городах возникла новая форма искусства и мысли, в которой была слепая страсть к иконоборству, живая чувственность и, однако, еще и очень удивительная и по существу мистическая или интуитивная сила отторжения всех личных стремлений. Америка и Западная Европа в первую очередь были заинтересованы в личной жизни человека, и только во вторую – в организации жизни общества в целом. Для этих людей преданность включала вынужденное самопожертвование и идеалом являлась только личность, выделяющаяся в различных видах мастерства и совершенства. Общество было лишь необходимой формой для этой драгоценности. Но русские, либо благодаря природному дару, либо под влиянием многовековой тирании, религиозного рвения и в полном смысле слова социальной революции, были склонны к проявлению общих групповых интересов, фактически – к спонтанной вере во все, что было признано более возвышенным, чем отдельный человек любого общества, будь то Бог или слепые силы природы. Западная Европа смогла достичь путем разума точного понимания человеческой незначительности и бесполезности, если рассматривать человеческое существо как чужестранца среди звезд; с этой точки зрения можно даже мельком увидеть космическую тему, в которой вся человеческая борьба представляет всего лишь единичный несчастный случай. Но русский ум, будь то ортодоксальный, толстовский или фанатично материалистический, мог бы достичь точно такого же взгляда чисто интуитивно, путем прямого восприятия, вместо долгих и сложных умственных блужданий; и, достигнув его, мог радоваться этому. Но вследствие независимости от интеллекта, опыт оказывался усложненным и запутанным, неустойчивым, часто неверно понимаемым, и его влияние на управление оказывалось скорее подобным взрыву, чем указующему воздействию. Необходимость заключалась в том, чтобы Запад и Восток Европы противостояли и сдерживали друг друга.

После большевистской революции в русской культуре появился новый элемент, такой, что не был ранее известен ни в одном современном государстве. Старый строй был заменен настоящим пролетарским правительством, которое, хотя и было олигархическим, а временами кровавым и фанатичным, положило конец прежней тирании класса и воодушевляло покорного гражданина гордиться участием в великом содружестве. Еще более важно то, что укоренив-

шийся русский характер не принимал всерьез связи между политической революцией и материальным состоянием и проповедовал таким образом свободу от снобизма перед богатством, что было совершенно чуждо Западу. Внимание, которое в другом месте было сосредоточено на накоплении денег, в России большей частью было отдано либо спонтанным инстинктивным наслаждениям, либо культурной деятельности.

На самом деле, именно среди жителей русских городов, гораздо меньше стиснутых традициями, чем остальное население, возникла ситуация, что дух Первых Людей начинал достигать нового, и вполне естественного, преображения в соответствии с преобразуемым им миром. А от горожан кое-что из нового образа жизни стало доходить даже к крестьянам, в то время как в глубинах Азии выносливое и постоянно увеличивающееся население все в большей степени устремляло свои взоры к России не только в поисках техники, но и в поисках идей. Были периоды, когда казалось, что Россия могла бы трансформировать почти вселенское увядание расы в новый ее расцвет.

После большевистской революции Запад бойкотировал новую Россию, и вследствие этого она прошла через стадию осознанных сумасбродств и крайностей. Коммунизм и примитивный материализм стали догмами новой утверждающейся атеистической церкви. Всякая критика была подавлена, и даже еще более сурово, чем оппозиционная критика в других странах, и русских научили думать о самих себе, как о спасителях человечества. Однако позже, когда экономическая изоляция начала препятствовать росту большевистского государства, новая культура была смягчена и распространена гораздо шире. Постепенно экономические связи с Западом были восстановлены, а культурные – расширились. Интуитивная и мистическая беспристрастность России начинала говорить о себе на языке интеллектуальной беспристрастности лучшей западной мысли, таким образом консолидируясь с ней. Иконоборство было укрощено. Жизнь, построенная на ощущениях и порывах, сдерживалась новым побуждением к критическому подходу. Фанатический материализм, чье пламя было извлечено из неверно истолкованного, но достаточно глубокого мистического интуитивного знания объективной реальности, начал ассимилироваться с куда более рациональным стоицизмом, который был необычайно редкостным цветком на Западе. В то же время, через соприкосновение с крестьянской культурой и населением Азии, новая Россия начала делать попытку в одном и том же восприятии совместить серьезное разочарование в Англии и Франции и безудержный восторг перед Востоком.

Гармонизация этих двух настроений стала теперь главной духовной потребностью человечества. Неудача объединить их в возвышенное духовное чувство не могла привести ни к чему, кроме расового безумия. И поэтому так оно и произошло, надлежащим образом. Между тем, эта задача интеграции начинала казаться все более и более неотложной для лучших умов России и могла быть в конце концов завершена, будь они более продолжительное время озарены холодным светом Запада.

Но этому не суждено было состояться. Интеллектуальная самоуверенность Франции и Англии, уже потрясенная с двух сторон, через нарастающий упадок, Америкой и Германией, была теперь подорвана. Уже многие десятилетия Англия была свидетелем того, как эти молодые конкуренты захватывали ее рынки. Эта потеря опутывала и душила ее массой внутренних проблем, таких, которые никогда не могли быть решены одним махом; и это был курс, требовавший большей смелости и энергичности, чем могли обеспечить люди, потерявшие надежду. Затем началась война с Францией и разорительный развал. Англию не охватывали никакие бредовые идеи, как это случилось во Франции; однако весь менталитет страны изменился, и ее отрезвляющее влияние на Европу уменьшилось.

Что же касается Франции, то ее культурная жизнь мучительно угасала. Она могла бы, конечно, восстановиться после нанесенного удара, не будь он отравлен снедающим ядом национализма. Потому что любовь к Франции была разрушительна для самой Франции. Дух Фран-

ции ценился столь безмерно и сумасбродно, что всех остальных французы почитали за варваров.

Поэтому и случилось так, что в России доктрины коммунизма и материализма, являвшиеся продуктами немецких систематизаторов, выжили без всякого осуждения. С другой стороны, практика коммунизма постепенно расшатывалась. Потому что Российское государство развивалось под влиянием западного, и особенно американского, финансового капитала. Материализм, как официальное кредо, тоже превратился в фарс, так как был чужд русскому сознанию. Таким образом, между практикой и теорией существовала, в обоих отношениях, глубокая несовместимость. То, что когда-то было жизненно важной и многообещающей культурой, стало лицемерием.

4. Русско-германская война

Несоответствие между теорией коммунизма и конкретной его практикой в России было одной из причин последующей катастрофы, выпавшей на долю Европы. Между Россией и Германией должны были бы установиться тесные партнерские отношения, основанные на взаимном обмене машинами и зерном. Но на пути к этому стояла теория коммунизма, и, нужно сказать, самым странным образом. Российская организация промышленности доказала свою несостоятельность без американского капитала; постепенно его влияние трансформировало коммунистическую систему. От Балтики до Гималаев и Берингова пролива пастбища, лесные угодья, обработанные машинами площади под посев зерна, нефтяные промыслы и раскинувшаяся сеть промышленных городов находились в возрастающей зависимости от американских финансов и общей организации дела. Однако не Америка, а куда менее индивидуалистическая Германия стала символом капитализма для русского ума. Самодовольное отвращение к Германии компенсировало России ее собственный отход от коммунистического идеала. Этот извращенный антагонизм поощрялся американцами, которые, будучи сильны в собственном индивидуализме и процветании и к этому моменту весьма пренебрежительно относясь к русским доктринам, были озабочены лишь тем, как бы прикарманить себе русские деньги. В действительности, это именно Америка помогла России совершить собственное предательство и именно американский дух был в этот период наиболее чужд русскому духу. Но американское богатство было для России тем, без чего нельзя обойтись; так что ненависть, предназначенная Америке, должна была обернуться против Германии.

Немцы, со своей стороны, были недовольны тем, что американцы вытеснили их с самого прибыльного рынка, особенно с нефтяных промыслов русской Азии. Экономическая жизнь всей человеческой расы в течение некоторого времени базировалась на угле, но затем было обнаружено, что нефть является куда более подходящим источником энергии, и поскольку запасы нефти на планете были гораздо меньше, чем запасы угля а расходы нефти были, разумеется, абсолютно бесконтрольны и расточительны, дефицит ее уже ощущался. Поэтому национальные владельцы остававшихся нефтяных промыслов стали главным фактором в политике и изобильным источником войн. Америка, уже израсходовавшая большую часть собственных запасов, стремилась теперь конкурировать со все еще богатыми источниками, контролируемые Китаем, опережая Германию в России. И не было ничего удивительного в том, что немцы огорчились. Но в этом – их собственная ошибка. В те дни, когда русский коммунизм стремился перестроить мир, Германия заняла в индивидуалистической Европе лидирующую роль, ранее принадлежавшую Англии. В то время стремящаяся к торговле с Россией, она, одновременно, боялась заразиться русской социальной доктриной, тем более что коммунизм вначале значительно продвинулся вперед среди немецких рабочих. Позже, даже когда в Германии разумная реорганизация промышленности лишила коммунизм своей привлекательности, и таким обра-

зом сделала его беспомощным, привычка к антикоммунистической пропаганде по-прежнему оставалась.

Поэтому мир в Европе был в постоянной опасности из-за противостояния двух народов, которые отличались друг от друга скорее в идеалах, чем на практике. Потому что один, теоретически коммунистический, был вынужден полностью передать множество общественных прав предприимчивым личностям, в то время как второй, теоретически организованный на базе частного предпринимательства, становился даже в большей степени социализированным.

Ни одна из сторон не желала войны. Ни одна не была заинтересована в военном триумфе, потому что милитаризм больше не считался верным средством для окончательного решения вопросов. Ни одна страна не была открыто националистической, потому что национализм, хотя все еще имевший силу, больше не восхвалялся. Каждая сторона заявляла о стремлении к интернационализму и миру, и обвиняла другую в эгоистичном патриотизме. Поэтому Европа, хотя стала теперь даже более миролюбивой, чем прежде, была обречена на войну.

Как и большинство войн, англо-французская война усилила стремление к миру, но в то же время сделала сам мир менее надежным. Усилилось недоверие: не только старое недоверие между нациями, но и разрушительное недоверие человеческой натуры, сжимающее людей как страх перед безумием. Отдельные личности, думающие о себе как о добропорядочных искренних европейцах, боялись, что в любой момент они могут стать жертвой какой-либо нелепой эпидемии патриотизма и будут участниками крушения Европы.

Этот страх был одной из причин создания Европейской Конфедерации, в которой все европейские нации, за исключением России, отказались от своего суверенитета в пользу общей власти и фактически объединили свои вооружения. Внешне мотивом такого акта было стремление к миру; но Америка истолковала его как прямой вызов и отказалась от участия в Лиге Наций. Китай, «естественный враг» Америки, оставался в Лиге, надеясь использовать ее против своего соперника.

Снаружи Конфедерация, на первый взгляд, представлялась как тесно связанное целое, но изнутри, и это было известно, оно было непрочным и рушилось при каждом серьезном кризисе. Нет никакого смысла проследивать множество мелких войн этого периода, хотя их совокупный эффект был достаточно серьезен как с экономической, так и с психологической стороны. Европа в конце концов превратилась в нечто, напоминающее единственную сентиментальную нацию, хотя это единение было привнесено не столько общими целеустремлениями, сколько общим страхом перед Америкой.

Окончательная консолидация была результатом русско-германской войны, причина которой была отчасти экономической, а отчасти основанной на чувстве. Все народы Европы долгое время с ужасом наблюдали финансовое поглощение России Соединенными Штатами, и они опасались, что и им скоро придется погибнуть под той же тиранией. Предполагалось, что если уничтожить Россию, то это должно ранить Америку в самое чувствительное место. Но фактическая причина войны была из области чувств. Полвека спустя после англо-французской войны один из второсортных немецких авторов опубликовал типично немецкую, достаточно посредственную, книгу. Поскольку каждая нация считала свои характеристики весьма высокими, то каждая была склонна к характерным ошибкам. Эта книга была одним из тех блестящих, но экстравагантных произведений, в которых все многообразие окружающего преподносилось лишь под одной формулой, с чрезвычайной детализацией и правдоподобием, хотя и с удивительным простодушием. Слишком чрезмерно проработанная в описании собственного надуманного мира, она была, тем не менее, относительно надуманной. В двух толстенных томах автор утверждал, что космос являет собой дуальную систему, в которой героический, и, несомненно, нордический, дух управляет (благодаря божественному праву) дисциплинированным, но тем не менее рабским – несомненно славянским духом. Вся история и вся эволюция рассматривались с точки зрения обоснования этого принципа; и в настоящее время, говорилось

там, славянский дух продолжает отравлять Европу. Раздражение Москвы большей частью было вызвано одной фразой, где говорилось об обезьяньем лице русского недочеловека.

Москва требовала извинений и запрещения книги. Берлин сожалел об оскорблении, но без всякой искренности, и настаивал на свободе слова. Затем последовало нарастание ярости в радиопередачах, а вслед за этим – война.

Подробности этой войны не имеют значения для постижения развития разума в Солнечной системе, но результаты ее были очень важными, Москва, Санкт-Петербург и Берлин были уничтожены атаками с воздуха. Вся западная часть России была обработана самым новейшим и самым смертельным отравляющим газом, так что не только была изничтожена вся флора и фауна, но также и вся земля между Черным и Балтийским морями превратилась на много лет в неплодородное и необитаемое пространство. Война окончилась через неделю, потому что сражающиеся стороны оказались разделенными колоссальной территорией, на которой ничто живое не могло существовать. Но последствия этой войны были долгими. Немцы запустили процессы, которые были не в силах остановить. Струи отравленного воздуха продолжали разноситься переменчивыми ветрами по всем странам Европы и Западной Азии. В это время стояла весна, но сохранившиеся на побережье Атлантики весенние цветы завяли еще в бутонах, и каждый новый лист имел иссохший ободок. Людям досталось тоже, хотя из тех, кто спасся в районах, близлежащих к зоне военных действий, сильно пострадали лишь дети и старики. Яд распространился через весь континент гигантскими, гонимыми ветром прядями, широкими и волнующимися при каждом изменении ветра. И куда бы он ни отклонялся, здоровые глаза, дыхательные пути и легкие разъедались так же, как и листья.

Америка, после многочисленных дебатов, наконец-то решила защитить свои интересы в России, предприняв карательный поход против Европы. Китай тоже начал мобилизовывать свои силы. Но задолго до того, как Америка была готова нанести удар, новости о распространении по воздуху ядовитых веществ изменили ее политику. Вместо силового воздействия была оказана помощь. Это был прекрасный жест доброй воли. Но в то же время, как отмечали обозреватели в Европе, вместо затрат такой жест приводил к некоторой прибыли, потому что он ставил большую часть Европы под американский финансовый контроль.

Таким образом, результатом русско-германской войны стал тот факт, что Европа оказалась унифицирована по духу ненавистной Америкой и что европейский менталитет несомненно ухудшился. Это произошло отчасти благодаря эмоциональному влиянию самой войны, отчасти – социальным последствиям действия отравляющих веществ. Часть подрастающего поколения была непригодна для жизни. В течение тридцати лет, прошедших затем до начала европейско-американской войны, Европа была обременена высоким числом инвалидов. Высокообразованная интеллигенция встречалась в целом реже, чем раньше, и была определенно сконцентрирована на практических работах по восстановлению.

И еще более ужасным для человеческой расы был тот факт, что недавняя культурная инициатива русских по объединению западного интеллектуализма и восточного мистицизма теперь потерпела крах.

II. Падение Европы

1. Европа и Америка

Через головы европейских племен два самых могущественных народа разглядывали друг друга с нарастающей неприязнью. Уж они-то могли, потому что один хранил самую древнюю и наиболее утонченную из всех сохранившихся культур, тогда как второй, самый молодой и наиболее самоуверенный в величии своей нации, объявил ее новый формирующийся дух духом будущего.

На Дальнем Востоке Китай, теперь уже наполовину американизированный, хотя в значительной мере находившийся под влиянием России и полностью принадлежащий Востоку, терпеливо совершенствовал свои рисовые плантации, развивал железные дороги, поднимал промышленность и беспристрастно вел диалог со всем остальным миром. В давние времена, ведя борьбу за независимость, Китай многое перенял и многому научился у воинствующего большевизма. И после падения русского государства именно на Востоке продолжала жить русская культура. Ее мистицизм повлиял на Индию. Ее социальные идеалы повлияли на Китай. Это не означало, что Китай полностью унаследовал теорию и, в еще в меньшей степени, практику коммунизма, но он научился в большей мере верить себя энергичной, преданной и в чем-то деспотичной партией и опираться на принципы общественного в большей мере, чем индивидуального. Однако он весь был пронизан индивидуализмом и, несмотря на попытки своих правителей, ускорял создание погрязшего в нищете и безысходности класса наемных рабов.

На Дальнем же Востоке Соединенные Штаты открыто заявляли о том, что являются стражами порядка на всей планете. Опасающиеся всех и всем завидующие, повсеместно почитаемые за их предприимчивость, однако повсюду широко презираемые за их самодовольство американцы очень быстро меняли сам характер человеческого существования. К этому моменту каждое человеческое существо на всей планете использовало американские продукты, и не было ни одного региона, где бы американский капитал не поддерживал местную рабочую силу. Более того, американская пресса, пластинки, кинематограф и телевизор непрестанно пропитывали планету американским образом мысли. Год за годом эфир разносил эхо нью-йоркских развлечений и религиозных страстей со Среднего Запада. И что удивительного в том, что Америка, даже будучи презираемой, неотвратимо сформировала по единому шаблону всю человеческую расу. Это, возможно, и не имело бы значения, будь Америка способна дать самое лучшее из того, чем она обладала. Но неизбежно из этого распространялось только все наихудшее. Только наиболее грубые особенности этого потенциально великого народа могли овладеть умами иностранцев посредством таких несовершенных инструментов. И поэтому, из-за этого ядовитого влияния, исходящего от основоположников вот такого человеческого общества, весь мир, а вместе с ним и наиболее благородные и знатные представители самой Америки, были безвозвратно испорчены.

Потому что все лучшее Америки было слишком слабо, чтобы противостоять худшему в ней же. Разумеется, американцы сделали достаточный вклад в развитие человеческой мысли. Они помогли раскрепостить философию, освободив ее от древних пут. Они продвигали науку благодаря чрезмерно многочисленным и точным опытам. В астрономии, поддерживаемой их дорогими приборами и чистой атмосферой, они сделали очень многое, чтобы показать расположение звезд и галактик. В литературе, хотя зачастую они и вели себя как варвары, они также представили новые образцы выразительности и движения мысли, не без труда признанной в Европе. Они же, кроме того, создали новые и выдающиеся образцы архитектуры. И их гений организации, работавший в едва мыслимых для человечества масштабах, оставался исключи-

тельно практическим. По сути, их лучшие умы взглянули на старые проблемы теории и оценки со свежим простодушием и смелостью, так что мрачные покровы суеверий срывались в любом месте, куда бы американцы ни обратили свой взор. Но эти лучшие представители нации были все же меньшей частью гигантской массы своеобразных обманщиков, в которых, что поразительно, застарелые религиозные догмы соревновались с неудержимым оптимизмом молодости. По существу это была очень яркая раса, но заторможенная, незрелая. Им чего-то не хватало, чего-то такого, что должно было бы обеспечить рост. Тот, кто обращает свой взор назад, сквозь целые эпохи, к этому далекому от него народу, может видеть, как судьба этих людей была переплетена с обстоятельствами их жизни и с их характером, и может признать за мрачную шутку, что те, кто казались самим себе обладающими достаточными способностями и талантами для омоложения и перестройки планеты, неминуемо должны были ввергнуть ее, через духовное опустошение, в преждевременное угасание и вековую тьму.

Это было неизбежно. Однако и там были люди с уникальными задатками, одаренные от природы гораздо выше остальных. Это была раса, слившаяся из всех других рас и обладавшая более искрометным умом, чем все остальные. В ней были смешаны и англосаксонское упрямство, и тевтонская гениальность в вопросах детализации и систематизации, и итальянское веселье, и глубокая пылкость Испании, и более изменчивая страстность кельтов. Здесь же присутствовала чувствительная и мятущаяся душа славянина, пышущая молодостью примесь негроидов, слабый, но искусно влияющий след индейца и разбросанные в сторону Запада капли монгольской крови. Общая нетерпимость, без всяких сомнений, изолировала до некоторой степени эти столь несхожие между собой расы; однако в целом это был скорее один народ, гордившийся своей индивидуальностью, своим успехом, своей идеалистической миссией в мире, а также своим оптимистическим и антропоцентрическим взглядом на вселенную. Чего только не могла достигнуть эта энергия, будь она более разумно направлена, будь она вынуждена заботиться о более серьезных, угрожающих жизни проблемах! Прямой трагический опыт мог бы, вероятно, раскрыть сердца этих людей. Общение с более зрелой культурой могло бы облагородить их интеллект. Но сам успех, который опьянял их, делал их при этом слишком самодовольными, чтобы брать уроки у менее преуспевающих соперников.

Однако наступил момент, когда эта замкнутость должна была закончиться. Пока Англия оставалась серьезным экономическим соперником, Америка неизбежно смотрела на нее с большим подозрением. Но когда было обнаружено, что Англия вполне определенно находится в экономическом упадке, хотя в культурном отношении все еще пребывает в зените, Америка проявила более активный интерес к самой последней и самой серьезной фазе английских проблем. Наиболее разумные американцы сами начали вполголоса говорить о том, что, возможно, их непревзойденный успех не был, в конце концов, хорошим основанием ни для их собственного духовного богатства, ни для мировых моральных устоев. Малочисленная, но упорная группа писателей начала утверждать, что Америке не хватает самокритичного подхода, что она не способна замечать насмешки в собственный адрес и что она фактически совершенно лишена той беспристрастности и смирения, которые были прекраснейшими, хотя и самыми редкими, настроениями для современной Англии. Это движение могло бы положительно повлиять на американский народ, который нуждался в смягчении собственного варварского эгоизма и должен был еще раз прислушаться к тишине за пределами шумного человеческого пространства. Еще раз, потому что только недавно они всерьез были оглушены настойчивым шумом их собственного материального успеха. И, разумеется, рассеянные по континенту в течение всего этого периода многочисленные робкие очаги истинной культуры ухитрялись держать свои головы над поднимавшейся волной невежества и суеверий. Это были те, кто ожидал от Европы помощи и делал попытку объединения, когда Англия и Франция окончательно запутались в этом разгуле страстей и убийств, которые истребили так много их лучших умов и перманентно ослабили их культурное влияние.

После них Европу представляла Германия. И Германия была слишком серьезным экономическим соперником для Америки, чтобы поддаться влиянию этой страны. Более того, немецкий критицизм, хотя зачастую и слишком эмоциональный, был ужасно педантичен, чересчур в малой степени ироничен, чтобы пробить шкуру американского самодовольства. Поэтому так случилось, что именно Америка все дальше и дальше втягивалась в американизацию. Огромное богатство и промышленность, а также яркая изобретательность, были сконцентрированы на незрелых намерениях. В частности, вся американская жизнь была построена на культе всемогущего индивидуализма, того иллюзорного идеала, который сама Европа только начала выращивать в последней фазе своего развития. Те из американцев, кому не удалось реализовать этот идеал, кто остался у подножия социальной лестницы, или утешали себя надеждами на будущее, или украдкой добивались символического удовлетворения, отождествляя себя с одной из популярных звезд, или гордились своим американским гражданством и восхищались в высшей степени наглой международной политикой своего правительства. Те, кто достиг власти, были вполне удовлетворены, пока они могли хотя бы просто удерживать ее, и в обычной самоуверенной манере подчеркивали, что ее положение вне всякой критики.

И было почти неизбежно, что когда Европа восстановилась после русско-германской катастрофы, она должна была вступить в драку с Америкой, потому что она уже давно истиралась под седлом американского финансового капитала и повседневная жизнь европейцев становилась все более и более стиснутой присутствием широко распростершейся и высокомерной иностранной «аристократии», представлявшей американских деловых людей. Одна лишь Германия была относительно свободна от этого засилья, потому что она сама все еще обладала большой экономической мощью. Но и здесь, не в меньшей степени, чем где-то еще, происходили постоянные трения с американцами.

Разумеется, ни Европа, ни Америка не желали войны. Каждая сторона отчетливо понимала, что война будет означать конец делового процветания, а для Европы, возможно, и вообще конец всего, потому что было известно, что разрушительная сила человека слишком возросла за последнее время и что если бы война стала неминуемой, то более сильная сторона могла бы уничтожить другую. Но в конце концов неизбежно возник нужный «инцидент», пробудивший слепую ярость по обе стороны Атлантики. Убийство в Южной Италии, несколько опрометчивых заявлений в европейской прессе, оскорбительные ответные меры в американской, сопровождаемые линчеванием на Среднем Западе итальянца, бесконтрольное убийство американских граждан в Риме, решение послать американский воздушный флот для оккупации Италии, перехват его объединенным европейским воздушным флотом – и война оказалась в самом разгаре прежде, чем о ней успели объявить. Эта воздушная акция, возможно и неудачная для Европы, закончилась кратковременной задержкой американского продвижения. Враг сдержал свой темперамент и приготовился к сокрушительному удару.

2. Истоки загадки

Пока американцы мобилизовывали все свои военные силы, произошло весьма интересное событие этой войны. Так случилось, что международное общество ученых проводило свою встречу в Англии, в Плимуте, и молодой китайский физик выразил желание сделать доклад на отдельной секции. Он занимался поисками средств для использования субатомной энергии до полного распада вещества, и самым интересным было то, что, согласно установленному протоколу, сорок международных представителей отправились на северное побережье Девона и встретились на голом мысе под названием Хартланд-пойнт.

Стояло ясное утро после только что прошедшего дождя. На одиннадцать миль к северо-западу скалы острова Ланди просматривались с необычной четкостью отдельных деталей. Над

головами участников кружились морские птицы, в то время как они сами расселись на плащах, разложенных на ошипанной кроликами траве.

Это была замечательная компания, в которой каждый из присутствующих был уникальной личностью, однако в некоторой степени характеризовался собственным национальным типом. И все определенно были «столпами науки» своего времени. Прежде бы предполагалось, что среди них преобладает бескомпромиссная склонность к материализму и притворное проявление цинизма; но сейчас этому на смену пришло открытое притворство и непререкаемая вера в то, что все природные явления есть выражение космического разума. Всякий раз, когда человек выходит за пределы своих собственных серьезных научных работ, он выбирает дальнейшие убеждения весьма легкомысленно, согласно собственному вкусу, так же, как выбирает себе развлечение или пищу.

Из присутствовавших мы могли бы выделить одного-другого для подробного рассмотрения. Немец, антрополог, продукт давно установившегося культа физического и духовного здоровья, пытающийся выразить в собственной атлетической персоне черты, присущие человеку нордической расы. Француз, старый, но все еще блестящий психолог, чье необычное хобби заключалось в коллекционировании оружия, древнего и современного, относился к работе секции с добродушным цинизмом. Англичанин, один из немногих сохранившихся интеллектуалов своей расы, компенсировал серьезное изучение физики едва ли менее серьезным увлечением изучением истории английских бранных выражений и сленгов и восторгал своих коллег продуктами собственного мастерства. Президентом научного общества был биолог из Западной Африки, известный своими опытами по межвидовому скрещиванию человека и обезьяны.

Когда все расселись, Президент объяснил цель этой встречи. Использование субатомной энергии было уже реализовано, и они должны были присутствовать при демонстрации.

Затем поднялся молодой монголоид и достал из ящика прибор, напоминавший скорее старинное ружье. Показывая этот предмет, он в дальнейшем заговорил с тем причудливым высокопарным формализмом, который сразу выдавал в нем хорошо образованного китайца. «Прежде чем описать детали моего весьма тонкого и деликатного процесса, я поясню вам его важность, показав, что может быть сделано в конечной реализации. Я не только могу инициировать аннигиляцию вещества, но я также могу сделать это на расстоянии и в точно выбранном направлении. Более того, я могу заблокировать процесс. Как средство разрушения мой прибор совершенен. Как источник энергии для созидательных работ человечества он имеет неограниченный потенциал. Джентльмены, это величайший момент в истории Человека. Я почти готов предоставить в руки организованного разума средства для того, чтобы остановить любые человеческие междоусобные конфликты. С этого момента это великое Общество, элитой которого вы являетесь, будет благотворно править планетой. С помощью этого маленького прибора вы остановите нелепую войну, и с помощью другого, который я собираюсь вскоре закончить, вы неограниченно распределите промышленную энергию повсюду, где на ваш взгляд она нужна. Джентльмены, с помощью вот такого ручного прибора, который я имею честь демонстрировать, вы становитесь почти абсолютными хозяевами этой планеты».

Тут представитель Англии пробормотал один из архаизмов, значение которого было знакомо только ему самому: «С нами Бог!» В умах некоторых из тех иностранцев, которые не были физиками, это необычное в данной ситуации выражение было принято за технический термин, имеющий какую-то связь с новым источником энергии.

Китаец тем временем продолжал. Повернувшись в сторону острова Ланди, он заметил: «Этот остров больше не является населенным и представляет лишь некоторые затруднения для судоходства, поэтому я уберу его». При этом он направил свой прибор на эту удаленную скалу, не переставая давать пояснения. «Вот это спусковое устройство должно возбудить элементарные отрицательные и положительные заряды, которые сконцентрируют атомы в определенной точке обращенной к нам поверхности скалы, чтобы уничтожить друг друга. Эти возбужденные

атомы будут воздействовать на своих соседей, и таким образом до бесконечности. Вот это, второе спусковое устройство, тем не менее, должно остановить возникшую аннигиляцию. Откажись я от использования его, процесс, вполне естественно, будет продолжаться бесконечно, возможно до тех пор, пока не будет разрушена вся планета».

Среди наблюдателей последовало беспокойное движение, но молодой человек тщательно прицелился и нажал в быстрой последовательности оба спусковых устройства. Прибор не издал никакого звука. Не было заметно и никакого видимого воздействия на спокойной поверхности острова. У англичанина начал было вырываться булькающий смех, но тут же захлебнулся. Потому что на удаленной от наблюдателей скале появилось ослепительное пятно света. Оно увеличивало свои размеры и яркость, пока все присутствующие уже не смогли продолжать наблюдение. Пятно осветило нижние края облаков и «стерло» солнечные тени от кустов, росших рядом с наблюдателями. Весь обращенный к побережью край острова являл собой невыносимо палящее солнце. Вскоре, однако, его неистовство было прикрыто облаками пара, поднявшегося от вскипевшего моря. Затем, совершенно неожиданно, весь остров, эти три мили крепчайшего гранита, развалился на куски, так что все скопление огромных скал отлетело к небесам, а ниже, медленно, набухал гигантский гриб из мельчайших обломков. И после этого появился звук. Уши всех присутствующих были зажаты руками, в то время как глаза все еще напряженно наблюдали за заливом, окутанным белизной и градом камней. А тем временем от центра этого возмущения надвигалась огромная волна. Было видно, как она поглотила каботажное судно и направилась дальше, в сторону Бидефорда и Барнстепля.

Наблюдавшие вскочили на ноги, громко крича, в то время как молодой автор этого неистовства с торжествующим видом наблюдал происходящее и с некоторым удивлением воспринимал масштабы этих очевидных последствий открытого им процесса.

Научная встреча теперь была перенесена в ближайший храм, чтобы заслушать доклад об этом исследовании. К тому времени, когда участники заполнили помещение, пар и дым рассеялись и море плескалось на том пространстве, что недавно занимал Ланди. Внутри храма была со всеми подобающими приличиями расположена огромная Библия и широко распахнуты окна, чтобы отчасти разогнать застоявшийся запах святынь. Потому что хотя скороспелые и весьма хитроумные толкования теории относительности и квантовой теории и приучили людей науки относиться к религии всего лишь с уважением, многие из них все еще сохраняли некоторое почтение, а некоторые все еще были склонны к нервному удушью, когда на самом деле оказывались в присутствии святынь. Когда ученые разместились на древних и жестких скамьях, Президент объяснил, что церковные власти любезно позволили провести здесь их заседание, полагая, что с тех пор как люди науки мало-помалу открыли духовные основы физического, наука и религия впредь должны стать близкими союзниками. Более того, целью этого заседания было обсуждение тех величайших загадок, раскрыть которые было бы триумфом науки, а приспособить и приукрасить – делом религии. Затем Президент похвалил молодого открывателя энергии с его победой и попросил его выступить.

Тут, однако, вмешался престарелый представитель Франции и получил слово. Родившийся почти сто сорок лет назад и сохранившийся скорее благодаря природной силе духа, чем всевозможным уловкам регенерации, этот старец, казалось, вознамерился говорить о далекой и более разумной эпохе. Потому что в период отмирания цивилизации очень часто находится кто-то из стариков, кто смотрит далеко вперед и при этом самым живым и проницательным взглядом. Он сделал отчасти длинное, напыщенное, однако весьма аргументированное заявление, состоявшее в следующем: «Без всякого сомнения, мы представляем здесь интеллектуальный потенциал нашей планеты, и тот факт, что нам доверено быть участниками этой встречи, говорит о нашей сравнительной честности. Но, увы, мы всего лишь люди. Мы, время от времени, делаем мелкие ошибки и допускаем мелкое неблагоприятное. Обладание такой силой, каковая была предложена нам, не принесет мира на землю. Напротив, оно будет сохранять

национальную ненависть. Оно ввергнет мир в смятение и беспорядок. Оно подорвет нашу собственную чистоту и сделает из нас тиранов. Более того, оно разрушит науку. А затем... Итак, когда в конце концов, из-за какой-нибудь маленькой ошибки, мир разлетится на куски, не будет ничего печальнее этого события. Я знаю, что Европа почти определенно должна быть разрушена этими энергичными, но, пожалуй, слишком испорченными детьми с противоположной стороны Атлантики. Но альтернатива еще тревожнее, чем это возможное несчастье. Нет, сэр! Ваша столь великолепная игрушка может оказаться истинным подарком для развитого ума; но для нас, все еще находящихся на стадии варварства... нет, этого не должно быть. И поэтому, с глубоким сожалением, я прошу вас уничтожить ваше изделие, и, если только это возможно, саму вашу память о столь чудесном исследовании. И, наконец, самое важное: даже вполголоса не говорите о своем исследовании ни нам, ни кому-либо из людей». После него свой протест выразил немец, указывая, что отказ будет признаком малодушия. Он быстро описал свой взгляд на мир, организованный под управлением соответствующим образом организованной науки и воодушевленный научно же организованной религиозной догмой. «Несомненно, – сказал он, – отказаться от этого означало бы отказаться от Божьего дара, от дара того самого Бога, чье присутствие в мельчайших проявлениях мы так недавно и так удивительно открыли». Последовали и другие выступления, как за, так и против но вскоре стало ясно, что превалировал все-таки здравый смысл. Разумеется, в этот период ученые были, конечно же космополитами по духу. Они были так далеки от национализма что даже при таком благоприятном случае представитель Америки подстрекал к созданию оружия, хотя оно и могло бы быть использовано против его собственных соотечественников.

В заключение, однако, и фактически тайным голосованием совещание, отдавая глубокое уважение китайским ученым, предложило – даже более, распорядилось, – что прибор и все связанные с ним расчеты должны быть уничтожены.

Тогда молодой человек встал, достал из ящика свое изделие и повертел его в руках. Он так долго стоял в тишине, уставившись на свой прибор, что собравшиеся начали проявлять беспокойство. Однако наконец он заговорил. «Я должен следовать решению этого собрания. Да, слишком тяжело разрушить плоды десятилетнего труда, даже такие. Я ожидал получить благодарность и признательность человечества, но вместо этого я оказался отверженным». Он сделал еще одну паузу. Пристально глядя в окно, он достал из кармана полевой бинокль и некоторое время изучал небо на западе. «Да, это американцы. Джентльмены, приближается американский воздушный флот».

Собравшиеся повскакивали и столпились у окон. Высоко в небе на западе, с севера на юг, показалась растянутая линия точек. Заговорил англичанин: «Ради бога, используйте еще раз свой проклятый инструмент, или Англия будет погублена. Они, должно быть, уже разделились с нашими парнями над Атлантикой».

Ученый-китаец обратил свой взор к Президенту. Последовал общий крик: «Остановить их!» Запротестовал только француз. Представитель Соединенных Штатов повысил голос и сказал: «Это мой народ. Там, в небе, есть и мои друзья. Возможно, там мой собственный сын. Но они обезумевшие. Они собираются сделать нечто страшное и ужасающее. Они в таком состоянии, что готовы линчевать. Остановите их». Китаец все еще пристально смотрел на Президента, и тот кивнул. Француз упал, заливаясь старческими слезами. Затем молодой человек, склонившись над подоконником, тщательно прицелился по очереди в каждую черную точку. Одна за другой они превращались в ослепительные звезды, а затем исчезали. В храме наступила долгая тишина. Затем послышался шепот, и в сторону китайского ученого направились взгляды, выражавшие неприязнь и страх.

На соседнем поле последовала торопливая церемония. Был зажжен костер. Прибор и не менее смертоносная рукопись были сожжены. А затем печальный молодой китаец, настойчиво пожимавший всем руки, сказал: «Я не должен жить, если во мне продолжает жить моя тайна.

Однажды более достойная раса вновь сделает такое открытие, но сегодня я представляю опасность для планеты. И поэтому я, столь глупо не замечавший, что живу среди дикарей, позволю себе, следуя древней мудрости, умереть». И с этими словами он упал замертво.

3. Европа убита

Радио и молва разнесли слух об этом по всему миру. Был загадочно взорван целый остров. Американский воздушный флот загадочно уничтожен в воздухе. И по соседству с тем местом, где эти события произошли, известнейшие ученые собирались на свою конференцию. Европейское правительство тщательно искало неизвестного спасителя Европы, чтобы поблагодарить его и применить его открытие для собственной пользы. Президент научного общества представил состав участников встречи и итоги тайного голосования. Он и его коллеги были незамедлительно арестованы, и было применено «давление», сначала моральное, а затем и физическое, чтобы заставить их открыть секрет, потому что мир был уверен, что они действительно знали его и удерживали при себе для своих собственных целей.

Между тем стало известно, что командующий американскими военно-воздушными силами, после того как разгромил европейский воздушный флот, получил инструкции только лишь «покружиться» над Англией, пока будут идти переговоры о мире. Потому что в Америке представители большого бизнеса угрожали правительству бойкотом, если над Европой будет произведено чрезмерное насилие. Большой бизнес был весьма интернационален в своем мнении, ему было ясно, что разрушение Европы должно неминуемо расстроить американские финансы. Но беспрецедентное бедствие с победоносным воздушным флотом ввергло американцев в слепую ярость, и партия мира на время затихла. Поэтому так и вышло, что оборонительные действия одного китайского ученого не только не спасли Англию, а, наоборот, обрекли ее.

В течение нескольких дней европейцы жили в паническом страхе, не представляя себе, какой ужас может обрушиться на них в любой момент. И потому неудивительно, что правительство прибегло к пыткам, чтобы вытянуть из ученых их секрет. Как нет ничего удивительного и в том, что из сорока лиц, причастных к произошедшему, один, и это был англичанин, спас себя, прибегнув к обману. Он пообещал сделать все возможное, чтобы «вспомнить» тот сложный и запутанный процесс. Под строгим наблюдением он использовал свои собственные знания физики, чтобы провести эксперимент в поисках китайского эффекта. Однако, к счастью, он был на ложном пути. И, разумеется, он знал это. Хотя его первым мотивом было всего лишь самосохранение, позже он стал следовать методике непрерывного предотвращения опасного открытия путем направления исследований в тупик. И таким образом его измена в виде одной лишь симуляции попытки повторения, в качестве наиболее известного физика, при проведении исследований в абсолютно безнадежном направлении, спасло эту недисциплинированную и с трудом похожую на человеческую расу от уничтожения ее собственной планеты.

Американцы же, обычно избегающие чрезмерностей, теперь оказались охвачены коллективным безумием от ярости к англичанам и всем европейцам вместе взятым. С холодной расчетливостью они залили Европу самым новейшим и самым смертоносным газом, чтобы отравить всех людей в их городах, словно крыс в собственных норах. Примененный газ был такого свойства, что сила его воздействия должна была иссякнуть через три дня. Поэтому американские санитарные службы могли занимать любой крупный город через неделю после атаки. Из тех, кто первыми вступили в глубочайшую тишину уничтоженных городов, многие были повергнуты в смятение от присутствия несметного числа мертвых людей. Первоначально газ действовал на уровне земли, но затем, поднимаясь как морская волна, поглотил верхние этажи, остроконечные шпили, высокие холмы. И потому в то время как на улицах лежали тысячи тех, кто был захвачен первыми волнами отравы, каждая крыша или бельведер хранили тела тех,

кто с трудом поднимался вверх в тщетной надежде сбежать за верхнюю границу досягаемости надвигавшейся волны. Когда же появились оккупанты, им оставалось созерцать лишь вытянутые во весь рост и искривленные фигуры.

Вот так умерла Европа. Все центры интеллектуальной жизни были разрушены, а из сельскохозяйственных районов оказались нетронутыми лишь высокие нагорья и горные вершины. С этого момента европейский дух жил, лишь частично и в самом извращенном виде, в умах американцев, китайцев, индийцев и всех остальных.

Разумеется, остались еще и английские колонии, но в тот момент они были менее европейскими, чем американскими. Несомненно, эта война уничтожила Британскую Империю. Канада объединилась с Соединенными Штатами. Южная Африка и Индия заявили о своем нейтралитете в момент возникновения войны. Австралия, хотя и не из-за малодушия, а лишь из-за противоречия в чувствах привязанности, тоже вскоре заняла нейтралитет. Новозеландцы закрепились в своих горах и поддерживали безумное, но героическое сопротивление почти в течение года. Простой и храбрый народ, они почти не имели представления о духовности Европы, однако по непонятным причинам и несмотря на их значительную американизацию, были преданы ей, или, по крайней мере, символу, выражавшему одну из сторон европеизации, заключенному в слове «Англия». Разумеется, их преданность была столь экстравагантной, что когда дальнейшее сопротивление стало невозможно, то многие из них, как мужчины, так и женщины, предпочли покончить с собой, но не покориться.

Но самую длительную агонию в этой войне пережили не потерпевшие поражение, а победители. Потому что когда охладилась их страсть, американцам не удалось так легко скрыть от себя тот факт, что они совершили убийство. В душе они были не жестокими людьми, а скорее мягкими. Им нравилось думать о мире, как о месте сплошных невинных наслаждений, а о самих себе, как о главных поставщиках удовольствия. Однако они так или иначе были втянуты в это немыслимое преступление, и с этого времени всепроникающее чувство коллективной вины исказило американское сознание. Они всегда были хвастливы и фанатичны; теперь же эти качества в них стали непомерны, даже до безумия. Как индивидуально, так и все вместе, они стали всё больше бояться критики, всё более подвержены отвращению и стыду, всё более лицемерны, всё более враждебны критическому разуму, всё более суеверны.

Таким образом, этот когда-то благородный народ был избран богами, чтобы быть проклятым и стать посланником бедствий.

III. Америка и Китай

1. Соперники

После падения Европы условные культурные зависимости людей постепенно кристаллизовались в два больших национальных или расовых центра духовной привязанности, олицетворяемых американцами и китайцами. Постепенно все другие проявления патриотизма стали не более чем частными случаями одного или другого из этих двух главных столпов благонадежности. Поначалу, разумеется, было множество разрушительных междоусобных конфликтов. Подробная история этого периода должна бы описать, как именно Северная Америка, повторяя процессы теперь уже древней «американской гражданской войны», объединила внутри себя американизированные к этому времени страны Латинской Америки на Южно-Американском материке; и как Япония, когда-то угрожавшая развивающемуся Китаю, получила такой урон от социальных революций, что пала жертвой американского империализма; и как эта зависимость настолько сильно повлияла на ее духовную привязанность к китайцам, что в конце концов Япония освободила себя путем героической войны за независимость и присоединилась к возглавляемой Китаем Азиатской Конфедерации.

Полная история рассказала бы также о превратностях Лиги Наций. Хотя она никогда не являлась правительством космополитов, а была лишь ассоциацией национальных правительств, каждое из которых отстаивало, главным образом, собственные интересы, эта громадная организация постепенно приобрела вполне реальный престиж и влияние на всех своих членов. И несмотря на множество недостатков, большинство которых были обусловлены ее базовым уставом, она была бесценна как большой реальный центр, где фокусировались интересы всего человечества. Вначале ее существование было весьма условным, и она со всей осторожностью лишь поддерживала себя, доходя едва ли не до подобострастия по отношению к «высшим силам». Однако постепенно она приобрела моральный авторитет такой степени, что никакая сила, даже самая могущественная, не отваживалась открыто и хладнокровно проигнорировать решение Лиги или отклонить решение Верховного суда. Но поскольку человеческие интересы носили характер скорее национальный, чем космополитический, очень часто случались ситуации, в которых нация теряла голову, впадала в буйство, нарушала свои обещания и бросалась в подстегиваемую страхом агрессию. Такая ситуация и вызвала англо-французскую войну. В другие времена нации распались бы на два больших лагеря, и Лига была бы временно забыта в связи с их разногласиями. Именно это случилось во время русско-германской войны, оказавшейся возможной только благодаря тому, что Америка предпочитала поддерживать Россию, а Китай благоволил Германии. После разрушения Европы мир некоторое время большей частью делился на Лигу и на Америку. Но Лига была полностью под властью Китая и больше не отстаивала космополитические интересы. Дело обстояло именно таким образом, и те, чья преданность интересам человечества была неподдельной, изо всех сил старались вернуть Америку в общее содружество, и в конце концов добились успеха.

Несмотря на поражение Лиги в попытках противостоять «великим» войнам, она превосходно справлялась с предотвращением всех малых конфликтов, которые некогда были хронической болезнью человеческой расы. Под конец, разумеется, мир на планете был бы надежно защищен, если бы сама Лига не была бы разделена почти на равные половины. К несчастью, с подъемом Америки и Китая эта ситуация стала все более и более обычной. В период войны между Северной и Южной Америкой была сделана попытка воссоздать Лигу как верховную международную власть, контролирующую объединенные вооруженные силы всех наций. Но хотя стремление к космополитизму и было велико, племенное обособление было сильнее.

Результатом стало то, что по настоянию японцев Лига фактически раскололась на две Лиги, каждая из которых заявляла о наследовании верховной власти в международных делах от старой Лиги, но каждая на самом деле находилась под влиянием одного из полюсов сверхнационального интереса: одна – американского, другая – китайского.

Это произошло через сотню лет после падения Европы. Следующее столетие завершило процессы формирования двух систем, политических и духовных. С одной стороны выступала богатая и сплоченная Американская Континентальная Федерация с ее бедными родственниками – Южной Африкой, Новой Зеландией, полуразрушенными остатками Западной Европы и частью лишенного сердца тела, которым была Россия. С другой стороны были Азия и Африка. На деле древнее характерное различие между Востоком и Западом стало теперь основой политического чувства и организации.

Внутри каждой из систем существовали, без всякого сомнения, реальные культурные различия, главными из которых были различия между китайским и индийским менталитетами. Китайцы были заинтересованы в видимости, в утонченности, в прагматизме; в то время как индийцы были склонны искать за видимостью некую предельную реальность, для которой эта жизнь, как они говорили, была всего лишь преходящим аспектом. Так, обычный индеец никогда не принимал близко к сердцу никакую практическую социальную проблему, при всей ее серьезности. Идея совершенствования этого мира никогда не была для него всепоглощающим интересом – с тех самых пор, как он приучился верить, что этот мир являлся всего лишь тенью. Было, разумеется, и такое время, когда Китай имел меньшую духовную связь с Индией, чем с Западом, но страх перед Америкой притянул друг к другу эти два великих народа. По меньшей мере, они были всерьез единогласны в своей ненависти к этой смеси коммерческого туризма, миссионерства и варварского завоевания, что повсюду воплощали собой американцы.

Китай, отдавая дань своей относительной слабости и раздражению, вызванному распространением внутри него щупальцами американской индустрии, в это время был более националистичным, чем его соперник. Америка, естественно, открыто заявляла, что переросла национализм и олицетворяет политическое и культурное единство мира. Но она понимала это единство как единство под руководством Америки, а под культурой подразумевала американский образ жизни. Такой вид космополитизма принимался и Азией, и Африкой без всякой симпатии. В Китае были предприняты согласованные действия с целью искоренения иностранных элементов из его культуры. Успех этих действий, однако, был лишь поверхностным. Косички и палочки для еды снова вошли в моду среди паразитирующей части населения, и изучение китайской классики стало обязательным во всех школах. Однако образ жизни обычного среднего человека оставался американским. Не только потому, что он использовал американские столовые приборы, обувь, граммофоны, бытовую технику, но при этом его алфавит был европейский, его словарный запас был пропитан американским сленгом, его газеты и радио были в той же мере американскими, хотя и антиамериканскими по политическому содержанию. Он ежедневно наблюдал на своем домашнем телеэкране все особенности американской личной жизни и каждое американское общественное событие. Вместо опиума и китайских палочек он пристрастился к сигаретам и жевательной резинке.

Образ его мыслей также большей частью был монголоидным вариантом американского мышления. Например, его мышление не было метафизическим, но поскольку некоторое присутствие метафизики является неизбежным, то он простодушно воспринял материалистическую метафизику, которую широко распространили ранние большевики. С этих позиций единственной реальностью была физическая энергия, и разум был всего лишь одной из систем управления телом, отвечающей за реакции на внешние раздражения. Бихевиоризм играл некогда большую роль в очищении лучших западных умов от суеверий, и одно время он был главным развивающимся острием мысли.

Эта ранняя, веская, хотя и экстравагантная доктрина, была тем, что поглотило Китай. Но на своей родине бихевиоризм постепенно инфицирован, благодаря всеобщей потребности в удобных идеалах, и окончательно видоизменился в странный вид спиритизма, согласно которому отдаленная реальность была, без всяких сомнений, физической энергией, и та энергия была отождествлена с божественным духом. Наиболее драматической чертой американской мысли в этот период было соединение бихевиоризма и фундаментализма, устаревшего и выродившегося вида христианства. Бихевиоризм сам по себе, разумеется, был разновидностью вывернутой пуританской веры, согласно которой интеллектуальное спасение включало признание сырой материалистической догмы, главным образом потому, что она была несовместима с лицемерием и непонятна интеллектуалам ранних философских школ. Более старые пуритане подавляли все плотские страсти; эти же, новые, подавляли с не меньшим самодовольством страсти духовные. Но при все возрастающем уклоне в сторону спиритизма самого естества, бихевиоризм и фундаментализм нашли точку соприкосновения. Поскольку отдаленная материя физического мира была объявлена теперь многообразной и произвольной «частью» деятельности «духа», то какое удобство это создавало для согласия между материалистами и спиритуалистами! В основе, несомненно, они никогда не расходились так далеко, хотя и были противниками в теории. Настоящее же расхождение было между действительно духовным подходом, с одной стороны, и смешанным, духовно-материалистическим, с другой. Поэтому большинство материалистов из христианских обществ и большая часть доктринеров из кругов ученых не слишком долго искали формулу для выражения собственного единства, их отказа от всех тех витиеватых и пышных положений, которые выступали как характеристика человеческого духа.

Два этих убеждения были едины в их отношении к исходному физическому движению. И здесь лежит глубочайшая разница между мышлением американцев и китайцев. Для первых деятельность, любой вид деятельности, был сам по себе конечным итогом; для вторых деятельность была всего лишь продвижением к истинному конечному итогу, которым являлся отдых и умиротворение разума. Действие должно быть предпринято лишь тогда, когда нарушалось равновесие. И в этом отношении Китай был един с Индией. Оба предпочитали созерцание действию.

Поэтому в Китае и в Индии страсть к богатству была менее сильной, чем в Америке. Богатство было силой, необходимой, чтобы приводить в движение людей и объекты, и в Америке, вследствие этого, богатство откровенно считалось тенью Бога, божественным духом, вложенным в человека. Бог был высший хозяин, вселенский Работодатель. Его мудрость представлялась как колоссальная активность, его любовь – как необыкновенная щедрость к своим работникам. Рассказы о талантах стали краеугольным камнем образования, и, по этим причинам, быть богатым означало быть почитаемым в качестве одного из главных посредников самого Бога. Типичным американцем, представлявшим большой бизнес, был тот, кто в окружении демонстрируемой им роскоши в глубине души оставался аскетом. Он ценил свою славу только потому, что она доказывала остальным людям, что он относится к числу избранных. Типичным же представителем богачей из Китая был тот, кто наслаждался своей роскошью, проявляя тонкий неизменный вкус, и был крайне редко склонен жертвовать им ради всего лишь желания добиться власти.

С другой стороны, поскольку американская культура была тесно связана с ценностями жизни индивидуума, она была более чувствительна, чем китайская, к благосостоянию простых людей. По этой причине условия в промышленности при американском капитализме были куда лучше, чем при китайском. А в Китае оба эти вида капитализма существовали бок о бок. Там были американские заводы, использующие американскую систему, где китайские рабочие процветали, но были и китайские заводы, на которых рабочих можно было сравнить с наемными рабами. Тот факт, что большинство китайских промышленных рабочих не могли получить

возможность купить автомобиль, не говоря уже об аэроплане, был источником самодовольного возмущения среди американских работодателей. А то обстоятельство, что этот факт не вызывал никакой революции в Китае и что китайские предприниматели были способны обеспечивать избыток трудовых ресурсов несмотря на лучшие условия работы на американских заводах, само по себе являлось источником замешательства и недоумения. Но на самом деле то, чего хотел средний китайский рабочий – не чисто символическая самоуверенность при управлении находящимися в частной собственности машинами, а уверенность в будущей жизни и действительно свободное время. На ранних стадиях формирования «современного» Китая разумеется, возникали серьезные возмущения классовой ненависти. Почти каждый крупный китайский промышленный центр, в какой-то из моментов своего развития, громил своих работодателей и объявлял себя независимым коммунистическим городом-государством. Но коммунизм был чужд Китаю, и ни один из этих экспериментов не имел постоянного успеха. В итоге, когда правление Национальной Партии стало уверенным и надежным и всем проявлениям зла в промышленности был положен конец, классовое чувство уступило место политической ненависти к американскому вмешательству и американскому мошенничеству, и тех, кто работал под американским началом, очень часто стали называть предателями.

Национальная Партия, разумеется, не была выразителем духа Китая; но она была как бы центральной нервной системой, внутри которой дух осуществлял контроль как руководящий принцип. Партия была чрезвычайно практической, но в то же время и идеологической организацией и в ней на равных правах гражданская служба сочеталась с религиозной дисциплиной, при этом партия всеми силами противодействовала любому виду религии. Созданная первоначально по образцу большевистской партии России, она, кроме того, черпала идеи из местной и описанной в литературе организации службы в старом Китае, и зачастую даже из традиций объединенной администрации, которая была лучшим и основным вкладом Британской империи на Востоке. Поэтому, следуя собственному курсу, Партия приближала идею духовных правителей. Чтобы в обычном порядке быть принятым в Партию, необходимо было сделать две вещи: пройти очень трудный письменный экзамен по западным и китайским общественным наукам и пройти пятилетний срок обучения реальной административной работе. Вне Партии Китай был по-прежнему чрезвычайно пронизан коррупцией, потому что казнокрадство и протекционизм не осуждались с тех давних пор, как они были благопристойно прикрыты. Но Партия дала блестящий пример самозабвенного ревностного служения, и эта невероятная честность была одним из источников ее силы. Было общеизвестно, что член Партии искренне заинтересован в общих, а не в своих личных делах, и потому заслуживает доверия. Высшим объектом его преданности была не Партия, а Китай, и, разумеется, не масса отдельных людей, к которым он относился почти столь же небрежно, как и к себе, а корпоративное единство и культура расы.

Вся полнота исполнительной власти в Китае находилась теперь в руках членов Партии, и решающим законодательным органом был Партийный Съезд. Между двумя этими институтами находился президент. Иногда будучи не более чем председателем Исполнительного Комитета, этот человек время от времени был почти диктатором, соединяя в себе атрибуты премьер-министра, императора и папы. Потому что глава Партии был главой государства, и, подобно древним императорам, он становился символическим объектом выражения культа предков.

Политика Партии определялась отношением китайцев к культуре. Как западные государства очень часто организовывались благодаря стремлению к военному престижу, так и новый Китай организовывался под влиянием престижа культуры. Потому что с этой стороны американское государство осуждалось как пример в высшей степени варварской грубости; таким образом, патриотизм был втянут в сферу управления, чтобы усилить культурную политику Партии. Было предметом гордости, что в то время как в Америке каждый мужчина и каждая

женщина могли лишь надеяться пробить путь к материальному богатству, в Китае каждый развитый человек мог на самом деле наслаждаться всем культурным богатством расы. Экономическая политика Партии основывалась на принципе предоставления всем рабочим получения гарантированных средств к существованию и возможности полноценного образования. (В глазах американцев, однако, средства к существованию, закрепленные таким образом, были едва ли пригодны лишь для зверей, а обеспечиваемое образование было устаревшим и атеистическим.) Партия проявляла немалую заботу о том, чтобы собрать в свои ряды лучших представителей от всех социальных классов, а также поощряла среди масс интеллигенции уважение к образованию и создавала у них иллюзию, что они сами в какой-то степени являются составляющей национальной культуры.

Но, говоря по правде, эта культура, которую простой народ почитал в своих высших руководителях и которой так подражал в собственной жизни, едва ли была менее поверхностной, чем культ силы, против которого она выставлялась. Потому что это был почти в полном смысле культ социальной справедливости и поголовной грамотности: не такого простого книжного образования, которое охватывало и древний Китай, а как обширной совокупности современной научной теории, в которой главную роль играла чистая математика. В прежние времена кандидат для работы в учреждении должен был продемонстрировать небольшое, но не критическое знание классических писателей; теперь же он должен был представить доказательства не менее чем сообразительности в написании основополагающих физических формул, знаний биологии, психологии и особенно экономики и социальной теории. И хотя перед ним никогда не ставилась задача ломать голову над философскими основами математики, ожидалось, что он должен быть знаком со сложностью по крайней мере одного из направлений этого широкого поля искусств. Масса информации, наваливавшаяся на студента, была так велика, что он не имел времени обдумать общие значения различных отраслей собственных знаний.

Однако в Китае был дух. И в этом неуловимом китайском духе лежала единственная надежда Первых Людей. Проникающая повсюду, Партия была меньшинством передовых умов, которые являлись источником ее воодушевления и формирования духа нации в этот период. Четко осознающие ограниченность человека, эти мыслители считали его не менее чем вершиной творения вселенной. На основе позитивистской, а скорее поверхностной, метафизики они построили социальную идею и создали теорию искусств. Разумеется, в развитии и достижениях искусства они видели высшее человеческое Достижение. Будучи пессимистами относительно отдаленного будущего расы и пренебрегая американским евангелизмом, они признавали в качестве конца существования создание сложно соединенного узора из человеческих жизней, оправленного в красивую рамку. Общество, высочайшая работа искусства (так они определяли его), является очень тонкой и скоропортящейся тканью человеческих отношений. Они даже допускали возможность, что в последнем пристанище, не только одной личной жизни, а жизненного пути всей расы, может произойти трагедия, и это следует оценить согласно стандартам трагического искусства. Отделяя их собственный дух от американского, один из них сказал: «Америка – это умственно отсталый подросток, попавший в игровую комнату, оборудованную роскошью и электрической энергией, делающий вид, что его механическая игрушка управляет миром. Китай – это джентльмен, прогуливающийся вечером в собственном саду, больше всего наслаждающийся ароматом и порядком, потому что в воздухе уже появляются первые признаки зимы, а до его слуха доносится молва о несокрушимом варваре».

В таком подходе было что-то замечательное и в то же время крайне необходимое; но была здесь и фатальная неполноценность. В своих наилучших образцах она поднималась до обособленной, но, тем не менее, пылкой восторженности самой сути существования, но все же слишком вырожденной в бездеятельное самодовольство и культ общественного этикета. На самом деле, была даже опасность коррупции из-за закоренелой китайской привычки заботиться только о внешних проявлениях. В некоторых отношениях дух Америки и дух Китая

были взаимодополняющими, так как один был неутомимым, а другой успокаивающим, один был жаждущим, а другой бесстрастным, один слишком религиозным, другой слишком профессиональным, один был поверхностно мистическим, или хотя бы романтическим, другой классическим и рациональным, несмотря на слишком большую жизненную активность для затяжного и скрупулезного мышления. Начни они взаимодействовать, и эти два менталитета могли бы многого достичь. С другой стороны, у обоих был одинаковый и весьма важный недостаток. Ни один из них не был выведен из равновесия и озарен тем неутолимимым стремлением к истине, той страстью к свободному упражнению ума, изнурительной погоней за реальностью факта, которые составили славу Европы и даже ранней Америки, но теперь уже давно отсутствовали среди Первых Людей. И, как результат этой ущербности, они страдали и другим недугом. Оба теперь не имели того презрительного острословия, в котором любили упражняться представители более раннего поколения, как над собой, так и над окружающими, и даже над их самыми святыми ценностями.

Несмотря на эти недостатки, при благоприятных обстоятельствах они могли бы весьма преуспеть. Но, следует заметить, американский дух подрывал единство Китая и таким образом разрушал его единственный шанс на спасение. Потому и случилось одно из тех несчастий, наполовину неизбежных, наполовину случайных, которые периодически обрушивались на Первых Людей, словно прямо выраженное желание некоего божества, больше заботившегося о совершенстве своей драматической постановки, чем о тех разумных куклах, которых оно привело в действие.

2. Конфликт

После европейско-американской войны сначала миновало столетие с минимальным числом национальных конфликтов, а затем столетие напряженного мира, в течение которого Америка и Китай стали все больше и больше раздражать друг друга. Ближе к этому периоду большое количество людей теоретически были куда как большими космополитами, чем националистами, однако закоренелый племенной дух скрывался внутри каждого сознания и был готов возобладать. Теперь планета была тонко организованным экономическим союзом, и большой бизнес во всех странах был подчеркнуто пренебрежителен к патриотизму. Разумеется, все старшее поколение этого периода было сознательным и без всяких оговорок придерживалось интернационализма и пацифизма. Однако это логически непоколебимое состояние было подорвано биологическим стремлением к рискованным жизненным ситуациям. Длительный мир и улучшившиеся социальные условия значительно уменьшили опасности и трудности жизни, и не было социально безопасной замены войне для удовлетворения жажды примитивной смелости и животной ярости существ, приспособленных к дикому существованию. Сознательно люди желали мира, подсознательно они все еще нуждались в проявлении такой отваги, которую предоставляла лишь война.

И этот сдерживаемый боевой дух всякий раз находил самовыражение во вспышках неразумного племенного обособления.

И неминуемо, в конце концов, произошел серьезный конфликт. Как обычно, причина была как экономической, так и основанной на чувствах. Экономической причиной была потребность в топливе. Столетие назад очень серьезный недостаток нефти так отрезвил человечество, что Лига Наций была вынуждена навязать систему международного контроля над существующими залежами нефти и даже над запасами угля. Она также установила строгое регулирование использования этих бесценных ископаемых. Нефть, в особенности, должна была использоваться лишь для тех предприятий, где не мог бы применяться никакой другой источник энергии. Международный контроль за топливом был, возможно, высшим достижением Лиги, и он оставался одной из граней жесткой политики человечества и долгое время после

того, как Лига была упразднена. Однако, по иронии судьбы, эта необычайно трезвая политика в большой степени способствовала падению цивилизации. Благодаря ей, как выяснится в дальнейшем, исчезновение угля пришлось на тот период, когда развитие человечества было в упадке, и оно не могло справиться с таким кризисом. Вместо того чтобы приспособить себя к новым условиям, оно просто погибло.

Но в этот период, о котором мы говорим, были недавно найдены дополнительные средства путем разработки больших месторождений топлива в Антарктике. К несчастью, этот обширный источник практически был недостижим для юрисдикции Международного Контрольного Совета по топливу. Америка была первой, кто приступил к этим разработкам, и видела в арктических запасах топлива средства как для собственного прогресса, так и для добровольно взятой на себя задачи американизации планеты. Китай, страшившийся американизации, требовал, чтобы новые источники были подведены под юрисдикцию Совета. За несколько лет эмоции весьма сильно сконцентрировались вокруг этого вопроса, и оба народа вновь впали в старое националистическое настроение. Казалось, что война должна начаться неизбежно.

Практическим же основанием для конфликта, тем не менее, послужил, как обычно, инцидент. Достоянием гласности стал скандал по поводу детского труда на некоторых заводах в Индии. Мальчики и девочки двенадцати лет были подвержены жестокой эксплуатации, и при их тяжелом положении единственным доступным авантюрным приключением был преждевременный секс. Американское правительство заявило протест, в таких выражениях, которые предполагали, что Америка считает себя стражем мировой нравственности. Индия немедленно отложила реформу, которую начала было проводить в жизнь, и ответила Америке как стороне, сующейся в чужие дела. Америка пригрозила отправкой войск с целью наведения порядка, «поддержанная одобрением всего, придерживающегося морали, населения земли». Тогда вступился Китай, чтобы помирить своего соперника и своего партнера, и обязался отыскать способ устранения зла, если Америка откажется от своих экстравагантных оскорблений в сторону Восточной Конфедерации. Но было слишком поздно. Был совершен налет на американский банк в Китае, и голову его управляющего пиная гоняли по улице. Людские племена вновь почувствовали запах крови. Была объявлена война Запада против Востока.

Из воюющих сторон Азия вместе с Северной Африкой образовывала географически более сплоченную систему, но Америка и ее вассалы имели лучшую экономическую организацию. С началом войны ни одна из сторон не имела никакого грозного вооружения, потому что война уже долгое время была объявлена «вне закона». Это обстоятельство, тем не менее, имело небольшое значение, поскольку боевые действия в то время могли с большим успехом продолжаться с помощью огромного количества гражданских самолетов, нагруженных отравляющими веществами, высокоэффективной взрывчаткой, болезнетворными микробами или еще более смертоносными «подбиологическими организмами», которые современная наука иногда рассматривала как простейший живой материал, а временами как наиболее сложные молекулы.

Противостояние началось с физического насилия, затянувшегося на четверть столетия. К концу этого периода Африка большей частью была в руках Америки. Лишь Египет оставался непригодной для жизни людей землей, потому что южноафриканцы вполне успешно отравили истоки Нила. Европа находилась под военным правлением Китая. Это было обеспечено армиями крепких центрально-азиатских народов, уже начавших задумываться над тем, почему бы им не стать заодно и хозяевами самого Китая. Китайский язык, с европейским алфавитом, изучался во всех школах. Однако в Англии не было ни школ, ни населения; потому в самом начале войны в Ирландии была создана американская военно-воздушная база, и Англию очень быстро опустошили. Летчики, пролетая над тем, что когда-то было Лондоном, могли лишь догадываться об очертаниях Оксфорда и Стрэнда среди зелено-серой путаницы развалин. Дикая природа, когда-то столь ревностно оберегаемая в «национальных парках» от наступле-

ния городской цивилизации, теперь широко распространилась по всему острову. На другой стороне земного шара подобным же образом были опустошены японские острова в бесплодных попытках построить там военно-воздушную базу, с которой можно было бы добраться до сердца врага. До сих пор ни Китай, ни Америка не понесли сколько-нибудь серьезных разрушений, но в последнее время американские биологи открыли новый злокачественный микроб, еще более заразный и стойкий, чем какой-либо из известных в прошлом. Его действие было направлено на разложение верхнего уровня нервной системы, таким образом создающее расстройство умственной деятельности, а массированная атака вызывала паралич, а затем смерть. С этим оружием американская военщина уже превратила один из китайских городов в сущий бедлам, и бациллы распространились уже по всей провинции, делая поведение людей совершенно ненормальным. Появилась мода приписывать все чьи-либо грубые ошибки и промахи контакту с этим новым микробом. Не было открыто никаких эффективных средств борьбы с этим бедствием. А поскольку на ранних стадиях болезни пациент становился неумно активным, предпринимая бесконечные и бесцельные действия под самыми неубедительными предложениями, казалось весьма вероятным, что «американское бешенство» распространилось на весь Китай.

В целом же к тому моменту военное преимущество было на стороне Америки, но, возможно, экономически ее жители были более потрясены, потому что их высший стандарт процветания сильно зависел от иностранного инвестирования и иностранной торговли. По всему американскому континенту распространилась самая настоящая нищета и серьезные симптомы классовой вражды, и, разумеется, не между отдельными рабочими и предпринимателями, а между рабочими и авторитарной военной правящей кастой, которая, естественно, и организовала эту войну. Первым поддался патристической лихорадке большой бизнес, но вскоре вспомнил, что война является глупым и разрушительным действием для торговли. Разумеется, с обеих сторон пламя национализма горело только пару лет, после чего страсть к приключениям уступила место простому страху перед врагом. Потому что на каждой стороне простой народ был вскормлен верой в то, что его враг – злобное исчадие ада. Когда миновала четверть века с той поры, как между двумя народами существовали свободные связи, то реальная разница в менталитетах, которая всегда существовала между ними, стала многим настолько же очевидной, как разница между биологическими видами. Поэтому в Америке церковь проповедовала: китаец не имеет души. Заявлялось, что эволюцию китайской расы с недобрыми целями совершил Сатана, когда та впервые возникла из человекообразных животных. По его замыслу, эта раса должна быть очень хитрой и без малейшей доли совести. Он побудил ее к неутолимой похотливости и упрямой слепоте по отношению к божеству, к тому великолепному властному процессу воспроизводства капитала, который составляет славу Америки. Утверждалось, что точно так, как в доисторические времена молодая раса млекопитающих смела медлительных, тупых и устаревших рептилий, так и теперь молодая одухотворенная Америка была предназначена очистить планету от подлых монголоидов. В Китае, с другой стороны, официальный взгляд отражал представление о том, что американцы являли типичный случай биологической деградации. Подобно всем паразитирующим организмам, они преуспели благодаря специализации в одном низкопробном способе поведения, одной из издержек их высшей природы, и теперь «паразиты планеты» свое безумное стяжательство полагали высшей способностью человеческой расы.

Таковы были официальные доктрины. Но напряжение войны в итоге вызвало у каждой из сторон глубокое недоверие к их собственным правительствам и настойчивое стремление любой ценой добиться мира. Правительства ненавидели партии мира еще больше, чем друг друга, так как само их существование теперь зависело от войны. Они зашли даже так далеко, что информировали друг друга о тайных операциях пацифистов, раскрытых их собственными секретными службами на территории противника.

Поэтому, когда наконец большой бизнес и рабочие по каждую сторону океана решили остановить войну согласованными действиями, их уполномоченным представителям оказалось весьма трудно встретиться.

3. На острове в океане

К этому времени все человечество, если не считать правительства, искренне желало мира; но общественное мнение в Америке балансировало между желанием просто завершить экономическое и политическое объединение и фанатичным стремлением навязать Востоку американскую культуру. Китай тоже балансировал между чисто коммерческим стремлением принести в жертву идеалы ради спасения мира и процветания и желанием сохранить китайскую культуру. Два лица, которые должны были тайно встретиться для обсуждения условий мира, были типичными представителями своих рас; для обеих из них были актуальны как коммерческие, так и культурные мотивы, хотя к этому периоду чаще доминировали коммерческие.

Был двадцать шестой год войны, когда два гидросамолета – один с Запада, другой с Востока – ночью направились к одному из островов в Тихом океане и опустились в небольшой уединенной бухте. От луны, которая в другое время должна была бы освещать всю акваторию своим потрескавшимся ноздреватым диском, в этот момент едва лишь искрились волны. С каждого из самолетов выбрался пассажир и направился на резиновой лодке прямо к суше. Два человека сошлись на берегу и пожали друг другу руки: один проделал это, соблюдая этикет, второй же – с чуть наигранным братским расположением. Тут уже и солнце выглянуло из-за морской глади, рассылая блеск и тепло. Китаец, сняв свой летный шлем, деловито расправил косу, сбросил грубую тяжелую одежду и предстал в костюме из небесно-голубого шелка, напоминавшем пижаму, и украшенном вышитыми золотыми драконами. Другой человек, поглядывавший с едва скрытой неприязнью на этот пышный наряд, торопливо отшвырнул в сторону плотную верхнюю одежду, открывая скромное серое пальто и брюки, которыми американские бизнесмены этого периода подсознательно символизировали их возвращение к пуританству. Закурив сигареты китайского посланника, эти двое уселись, чтобы заняться обустройством планеты.

Беседа была вполне дружелюбной и проходила без помех, потому что существовало соглашение относительно радикальности принимаемых мер. Правительства обеих стран должны быть немедленно свергнуты. Оба представителя были уверены, что это может быть сделано, если попытка будет произведена одновременно по обе стороны океана, потому что в обеих странах и финансам, и людям можно было доверять. Вместо национальных правительств должен быть создан Всемирный Финансовый Директорат, который должен состоять из ведущих торговых и промышленных магнатов всего мира, наряду с представителями от организаций рабочих. Первым Президентом Директората должен стать американский представитель, а первым вице-Президентом – представитель Китая. Директорат должен управлять всей экономической реорганизацией мира. В особенности – на Востоке: условия работы на промышленных предприятиях должны быть приведены в соответствие с аналогичными условиями в Америке, в то время как, с другой стороны, должна быть устранена американская монополия в Антарктике. Эта богатая и почти нетронутая земля должна быть подчинена контролю Директората.

Временами во время беседы вставал вопрос о больших культурных различиях между Востоком и Западом; но оба участника переговоров, как казалось, хотели верить, что это было незначительным делом, которое просто не имело права нарушать деловую беседу.

Тут произошла одна из тех случайностей, которые, будучи незначительными по своей сути, производят непропорционально большие эффекты. Неустойчивая натура Первых Людей

сделала их особенно подверженными переживаниям из-за подобных инцидентов, особенно – в период их упадка.

Беседа была прервана появлением человеческой фигуры, выплывшей из-за мыса и направляющейся в этот небольшой залив. На мелководье она поднялась в полный рост, оказавшись женщиной, и направилась из воды прямо в сторону создателей Всемирного Государства. Молодая, улыбающаяся, с бронзовой кожей, абсолютно голая, с отяжелевшей после долгого плавания грудью, она в нерешительности остановилась перед ними. Отношения между двумя мужчинами тут же изменились, хотя ни один из них в первый момент не осознал этого.

«Очаровательная дочь Океана, – сказал китаец на том в некоторой степени устарелом и сознательно неамериканском английском, которым теперь пользовались азиаты при общении с иностранцами, – что могут сделать для тебя эти две презренные твари земные? Не могу ответить за своего приятеля, но я, во всяком случае с этого момента, твой раб». При этом его глаза с безупречной вежливостью нежно блуждали по всему ее телу. А она, с той особой грацией, что окружает женщин неким ореолом, когда они чувствуют прикосновение восхищенного взгляда, отжала морскую воду с волос и стояла, готовая заговорить.

Но тут запротестовал американец: «Кем бы ты ни была – пожалуйста, не прерывай нас. Мы на самом деле очень заняты обсуждением дел большой важности, и у нас просто нет времени, чтобы попусту тратить его. Пожалуйста, уходи. Твоя нагота неприятна каждому, кто привык к цивилизованным манерам. В стране современной культуры тебе бы не позволили купаться в таком виде. Мы становимся очень щепетильны в отношении этого».

Болезненный интенсивный багрянец проступил сквозь коричневатый цвет мокрой бронзы, и нарушительница спокойствия вроде сделала попытку уйти. Но китаец воскликнул: «Постой! Мы уже почти закончили нашу деловую беседу. Так взбодри нас своим присутствием. Позволь нам хоть мгновение созерцать совершенство той амфоры, что образует твоя талия и твои бедра, и тем самым заставь забыть нас о реальностях нашей беседы. Кто ты? К какому народу ты принадлежишь? Мои познания в антропологии не позволяют мне определить это. Твоя кожа гораздо светлее, чем свойственно для этих мест, хотя и богата солнечным заггаром. Твоя грудь говорит о греческой крови. Очертания твоих губ напоминают о Египте. Твои волосы, хотя и были темные, высыхая, проявляют удивительный золотистый оттенок. И твои глаза, позволь мне рассмотреть их... Удлиненные, нежные и пронизательные, как у женщин моей страны, бездонные, как дух Индии, они, тем не менее, кажутся твоему новому рабу не совсем черными, а фиолетовыми, будто зенит небосвода перед рассветом. Разумеется, столь утонченное единство несовместимого покоряет как мое сердце, так и мой разум».

Во время этой страстной речи ее самообладание полностью восстановилось, хотя она изредка и поглядывала на американца, который продолжал старательно не смотреть в ее сторону.

Она ответила почти с той же дикцией, что и ее собеседник, но, к удивлению, со старинным английским акцентом: «На самом деле я полукровка. Ты можешь называть меня не дочерью Океана, а скорее дочерью Человечества, потому что на этом острове оставляли свое семя путники самых разных рас. Мое тело, и я знаю это, выдает свою столь разнообразную родословную в такой странной смеси людей и характеров. Возможно, что и мой разум также необычен, потому что я никогда не покидала этот остров. И хотя с моего рождения прошло меньше четверти века, прошлое столетие значило для меня гораздо больше, чем мрачные события сегодняшнего дня. Меня выучил отшельник. Лет двести назад он вел деятельную жизнь в Европе, но к концу своего долгого жизненного пути он перебрался на этот остров. Он любил меня, как это свойственно старикам. И день за днем давал мне возможность проникнуть в глубину духа прошлого; но о нашем веке он ничего не сообщил мне. Теперь, когда он умер, я стремлюсь ознакомиться с современным миром, но продолжаю видеть все под углом века иного. И поэтому, – заметила она, поворачиваясь к американцу, – если я и нарушаю современ-

ные нормы, то лишь потому, что мой отшельнический разум никогда не был приучен относиться к наготы как к чему-то неприличному. Я очень несведуща, почти как дикарь. Если бы я только смогла получить весь опыт вашего великого мира! Если когда-то эта война закончится, я отправлюсь в путешествие».

«Восхитительно, – заметил китаец, – какой изысканно пропорциональный, исключительно цивилизованный дикарь! Поедем со мной на праздник в современный Китай. Там ты сможешь плавать без костюма, поскольку ты так прекрасна».

Она пропустила его приглашение и, казалось, погрузилась в мечты. Затем продолжила с рассеянным видом: «Возможно, я и не страдала бы от этого беспокойства, от этой тяги увидеть мир, если бы вместо этого испытала опыт материнства. Многие островитяне время от времени награждали меня своими ухаживаниями. Но я не могла себе позволить забеременеть ни от одного из них. Все они очень милые; но в душе каждый из них не более чем ребенок».

Американец начал проявлять беспокойство. Но тут вновь вмешался китаец, заговорив своим тихим проникновенным голосом. «Я, – сказал он, – я, вице-Президент Всемирного Финансового Директората, буду счастлив предоставить тебе возможность материнства».

Она серьезно и внимательно посмотрела на него, затем улыбнулась, как ребенок, который просит больше, чем может получить. Но на этот раз американец торопливо поднялся на ноги. Адресуя свои слова к облаченному в шелк китайцу, он сказал: «Ты наверняка знаешь, что американское правительство собирается послать вторую воздушную эскадру с отравляющими веществами, чтобы превратить в безумцев всю твою нацию, вызвать безумство еще большее, чем то, в котором вы уже пребываете сейчас. Вы не сможете защитить себя от этого нового оружия; и для того чтобы я мог спасти тебя, мне не следует больше тратить время по пустякам. Не должен делать этого и ты, потому что нам следует действовать одновременно. Мы уже согласовали все свои действия. Но прежде чем покинуть это место, я должен сказать, что твое отношение к этой женщине весьма убедительно напоминает мне, что у китайцев что-то не в порядке и с образом мыслей, и с образом жизни. Тревожась за судьбы мира, я не забываю своих обязанностей относительно этого. И сейчас я должен заметить тебе, что когда установится Директорат, мы, американцы, постараемся повлиять на тебя, чтобы изменить эти недостатки, ради спасения всего мира и твоего собственного».

Китаец поднялся и возразил ему: «Этот вопрос должен иметь отдельное частное решение. Мы и не ожидали, что вы воспримите наши стандарты, как не ожидали и вы, что мы воспримем ваши». Он сделал шаг в сторону женщины и улыбнулся. И эта улыбка оскорбила американца.

Нам нет нужды следовать за всеми подробностями пререканий, возникших между двумя представителями, каждый из которых, хотя и был до некоторой степени космополитом по духу, при этом проявлял искреннее высокомерие по отношению к чужим ценностям. Вполне хватало того, что американец становился все более напорист и деспотичен, а противная ему сторона все более беспечна и иронична. Наконец американец повысил голос и предъявил ультиматум. «Наш договор о мировом содружестве, – сказал он, – будет считаться не заключенным, если ты не добавишь пункт, гарантирующий радикальные реформы, которые, на самом деле, были внесены моими коллегами как условие сотрудничества, а я решил отказаться от них в случае, если они будут нарушать наше соглашение; но теперь вижу, что они являются почти главными. Ты должен отучить своих людей от похотливых и праздных наклонностей и дать им современную научную религию. Учителя в ваших школах и университетах должны сами стать приверженцами современной фундаментальной физики и бихевиоризма и должны вводить в жизнь веру в Богоматерь. Перемены будут трудными, но мы поможем тебе. Вы нуждаетесь в строгом порядке Инквизиторов, достойном Директората. Они будут также присматривать за изменением сексуальной фривольности вашего народа, в которой вы безрассудно расточаете божественную энергию. До тех пор, пока ты не согласишься с этим, я не смогу остановить войну. Следует чтить законы Бога, и те, кто знает это, должны проводить это в жизнь».

Но тут его прервала женщина. «Скажите мне, что означает этот ваш „Бог“? Европейцы поклонялись любви, а не энергии. И что подразумеваете под энергией вы? Является ли это лишь средством убыстрять движение машин и возбуждать эфир?»

Он ответил ей без всякого выражения, как будто повторяя урок: «Бог есть всепроницающий дух движения, который пытается активизировать себя везде, где бы он ни проявлялся. Бог предначертал великому американскому народу механизировать вселенную». Он помолчал, пристально разглядывая четкие линии своего гидросамолета. Затем продолжил, с большей выразительностью: «Но давай действовать! Время дорого. Или ты служишь Богу, или мы сметем тебя с его пути».

Женщина приблизилась к нему, произнесла: «Несомненно, в этом энтузиазме есть нечто великое. Но так или иначе, хотя мое сердце и говорит мне, что вы правы, мой разум все еще сомневается. Где-то должна быть ошибка».

«Ошибка! – рассмеялся он, подавляя ее олицетворением силы и власти. – Когда человеческий дух приходит в движение, как может он ошибаться в том, что его действия не божественны? Я всю жизнь служил Энергии, этому великому Богу, начав работать мальчиком в гараже и став затем Президентом Мира. Разве не доказал весь американский народ свою веру своим успехом?»

С выражением восторга, но все еще в замешательстве, она во все глаза смотрела на него. «Есть что-то до ужаса ошибочное в вас, американцах, – сказала она, – но, безусловно, вы великие люди». Она посмотрела ему в глаза. Затем неожиданно дотронулась до него рукой и сказала с внутренним убеждением: «Будь тем, кто ты есть. Вероятно, ты прав. В любом случае, ты мужчина, настоящий мужчина. Обладай мной и будь отцом моего ребенка. Возьми меня в эти полные опасностей города Америки, чтобы я могла работать рядом с тобой».

Президент был удивлен неожиданной страстностью ее истосковавшегося по чувствам тела, и она видела это; но он повернулся к вице-Президенту и сказал: «Она увидела, где находится правда. А ты? Так война – или сотрудничество в божественных трудах?»

«Смерть нашего тела – или смерть нашего разума, – заметил китаец, но с примесью горечи, которой не хватало убежденности, потому что он не был фанатиком. – Ну хорошо, поскольку душа всего лишь гармония поведения тела, и поскольку, несмотря на это маленькое разногласие, мы пришли к соглашению, что координация деятельности является главной на сегодняшний день потребностью планеты, и поскольку в отношении наших различий эта дама сделала выбор в пользу Америки, и более того, если существует хоть какая-то добродетель в азиатском пути развития, она не уступит никакой мелкой пропаганде, а скорее лишь усилится от противостояния... поскольку все дела обстоят именно так, я принимаю ваши условия. Но было бы недостойно для Китая, чтобы столь великие перемены были навязаны ему извне. Вы должны дать мне время сформировать в Азии местную и добровольную партию, которая будет сама проповедовать ваши взгляды и, возможно, придаст им некоторое изящество и утонченность, если я могу так выразиться, которые в данный момент отсутствуют. Именно так нам следует поступить, чтобы обеспечить международный контроль над Антарктикой».

Вслед за этим соглашение было подписано, но было выдвинуто и также подписано новое секретное дополнение, и оба документа засвидетельствовала Дочь Человечества своим четким округлым старомодным почерком.

Затем, взяв каждого за руку, она сказала: «Итак, наконец мир объединен. Как надолго, хотелось бы мне знать? Кажется, будто я слышу брзжащий голос моего старого учителя, что я до некоторой степени поступаю глупо. Но он покинул меня, и я выбрала нового учителя, Хозяина Мира».

Она отпустила руку азиата и сделала движение, как бы увлекая с собой американца. И он, хотя и был строгим почитателем моногамии, а в Нью-Йорке его поджидала лучшая поло-

вина рода человеческого, со всей страстью желал прижать ее разогретое солнцем тело к своей пуританской одежде. Она потянула его в сторону вдоль пальмовых деревьев.

Вице-Президент Мира вновь присел, закурил сигарету и задумался, продолжая улыбаться.

IV. Американизированная планета

1. Создание первого Всемирного Государства

Теперь мы подошли к тому этапу в истории Первых Людей, когда, почти через триста восемьдесят земных лет после европейской войны, задача мирового единства была наконец-то разрешена... но, однако, при достижении этого разум человеческой расы был серьезно искалечен.

Нет нужды детально рассматривать переход от конкуренции национальных суверенитетов к единому контролю со стороны Всемирного Финансового Директората. Достаточно указать лишь на то, что благодаря согласованным действиям в Америке и в Китае поддерживавшие войну правительства почувствовали невозможность дальнейшей деятельности из-за пассивного сопротивления представителей большого международного бизнеса. В Китае этот процесс прошел быстро и почти бескровно; в Америке наблюдались существенные беспорядки, затянувшиеся на несколько недель, пока обескураженное правительство пыталось утихомирить бунтовщиков, введя военное положение. Но теперь почти все население стремилось к миру, и хотя было убито несколько промышленных магнатов, а толпы рабочих в некоторых местах разогнаны и расстреляны, оппозиция была непоколебима. И очень скоро правящая клика рухнула.

Новый порядок в значительной мере включал в себя систему, родственную по организации социализму, однако в основе его лежал индивидуализм. Каждая отрасль промышленности находилась, в теории, под демократическим управлением всех ее членов, а на самом деле контролировалась лишь отдельными главными лицами. Координацию всех отраслей промышленности осуществлял Всемирный Промышленный Совет, на котором руководители каждой отрасли обсуждали дела планеты как единого целого. Положение каждой отрасли хозяйства в Совете отчасти определялось ее экономическим влиянием в мире, а отчасти – отношением общественности. Потому что всякая деятельность людей начинала рассматриваться как «важная» или «неважная», и важная не обязательно должна была быть самой мощной экономически. Таким образом, в Совете возник внутренний круг важных «отраслей», куда входили, в примерном порядке значимости, финансы, воздушное сообщение, техника, наземный транспорт, химическая промышленность и профессиональный спорт. Но истинным источником власти был не этот Совет, и даже не внутренний его круг, а Финансовый Директорат. В него входила дюжина богатых промышленников, во главе с американским Президентом и китайским вице-Президентом.

Внутри этой величественной структуры были неизбежны разногласия. Вскоре после того как эта система обрела жизнь, вице-Президент попытался сместить Президента путем публикации сведений о его связи с цветной женщиной, которая теперь именovala себя Дочерью Человечества. Как ожидалось, отголоски этого скандала должны были настроить добродетельное американское общество против их героя. Но весьма гениальным ходом Президенту удалось спасти и себя, и единство мира. Вместо того чтобы отрицать эту связь, он начал гордиться ей. И в этот момент сексуального триумфа, как он заметил, ему открылась великая правда. Без такого смелого жертвоприношения в виде собственной непорочности он никогда бы не был достоин места Президента Мира; ему следовало бы оставаться американцем. В жилах этой женщины течет кровь многих рас, а ее разум вмещает множество культур. И его союз с ней, подкрепленный множеством последующих визитов, сблизил его с духом Востока и наградила его таким уважением со стороны широких масс, какого как раз и требовало его высокое положение. Как частный человек, он настаивал на приверженности моногамии, имея жену в Нью-

Йорке; и, как всякий частный человек, он был грешен, и должен страдать, испытывая муки совести. Но как Президент Мира, он должен нести эту обязанность, чтобы поддерживать этот мир. И поскольку ничто не могло быть признано реальным без физической основы, этот духовный союз должен был быть материализован и символизирован его физическим союзом с Дочерью Человечества. Сдерживая эмоции, он рассказал в микрофон, в присутствии этой мистической женщины, что он неожиданно победил свои личные моральные колебания, и как, в неожиданном приливе божественной энергии, он осуществил свое соитие со всем Миром в тени бананового дерева. Восхитительные формы Дочери Человечества (скромно прикрытые) были транслированы по телевидению на весь мир. Ее лицо, смесь Азии и Запада, стало самым мощным символом единства человечества. Каждый мужчина на планете стал воображать себя ее любовником. Каждая женщина мысленно представляла себя этой величайшей женщиной.

Несомненно, была некоторая правда в тех упреках, что Дочь Человечества раскрепостила разум Президента, потому что его политика в отношении Востока неожиданно стала весьма осторожной. Он чаще сдерживал требования своих сограждан относительно немедленной американизации Китая. И очень часто склонял китайцев к тому, чтобы радушно воспринимать ту политику, которую поначалу они воспринимали с явным подозрением.

Данное Президентом объяснение собственного поведения лишь повысило его престиж как в Америке, так и в Азии. Америка была буквально загипнотизирована столь показной набожностью всей истории. Очень скоро вошло в моду быть в моногамном браке с одной женой, олицетворявшей семейный очаг, и одной «символической» женой на Востоке, или в каком-то другом городе, или на соседней улице, или даже с несколькими в разных местах. В Китае спокойная терпимость, которую с самого начала заслужил Президент, переросла, из-за этого инцидента, в нечто, напоминающее привязанность. И, отчасти благодаря его действиям, отчасти – влиянию его символической жены, американизация Китая была осуществлена без особых беспорядков.

Поэтому спустя семь месяцев после основания Всемирного Государства Китай был полностью поглощен нашествием умопомешательства, называемого «американским бешенством», которым его травил бывший враг. Прибрежный район Северного Китая был полностью дезорганизован. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт – все бездействовало. Огромные толпы, голодные и почти лишенные рассудка, блуждали по местности, пожирая все растущее на земле и устраивая сражения из-за каждого трупа своих умерших собратьев. Это было еще задолго до того, как болезни были взяты под надежный контроль, и, разумеется, в последующие годы неизбежны были подобные взрывы, вызывая панику по всей стране.

Некоторым наиболее старомодным китайцам казалось, будто все население незаметно заразилось каким-то микробом, потому что по всему Китаю, по всей видимости спонтанно, появились новые секты местного происхождения, называвшие себя «энергистами», и начали проповедовать новую интерпретацию буддизма в терминологии, возводящей деловую активность в ранг священной обязанности. И, хотя подобное бывает довольно редко, проповедь эта преуспела до такой степени, что за несколько лет вся система образования была заполнена ее адептами, но не без сопротивления со стороны реакционных коллективов старейших университетов. Достаточно странно, однако, что несмотря на общее признание Нового Пути, несмотря на тот факт, что молодежь Китая была приучена восхищаться движением во всех его формах, несмотря на сильно возросший размер заработной платы, которая позволила всем рабочим обладать личными средствами передвижения, большинство населения Китая по сути продолжало относиться к деловой активности как к некоторому ограничению отдыха. И когда, в конце концов, один из знаменитейших физиков доказал, что высшим выражением энергии было состояние равновесия всех сил внутри атома, китайцы применили это положение к себе и заявили, что в их собственном состоянии покоя и заключается самый совершенный баланс всех могущественных сил. Вот таким образом Восток внес свой вклад в религию этого века. Покло-

нение деловой активности заставило включить туда поклонение пассивности. И оба положения были основаны на естественнонаучных принципах.

2. Влияние науки

Наука в этот период среди Первых Людей пользовалась особым почетом. Это было не потому, что она лежала в области, исследовавшейся в пору наивысшего расцвета расы максимально пристально, и не потому, что именно благодаря науке люди получили возможность слегка заглянуть в природу физического мира, а скорее потому, что применение научных принципов круто меняло материальные обстоятельства их жизни. Когда-то не вполне устойчивые научные доктрины начали выкристаллизовываться в твердые и замысловатые догмы; но находчивый научный ум все еще с блеском продолжал упражняться в улучшении промышленных технических средств и, таким образом, полностью завладел воображением расы, мыслительное любопытство которой уже подходило к завершению. Ученый считался олицетворением не только знаний, но и силы, и никакие легенды о возможностях науки не казались слишком фантастическими, чтобы не верить в них.

Столетие спустя после образования Всемирного Государства в Китае начал распространяться слух о высочайшем секрете научной религии, об ужасной тайне Горделпаса, посредством которой можно использовать энергию, заключенную во взаимодействии протона и электрона. Открытое много лет назад китайским физиком и святым праведником, это бесценное знание, как предполагалось теперь, сохранилось лишь среди научной элиты, и будет готово для публикации, как только мир окажется готовым к обладанию им. Новая секта «энергистов» заявляла, что молодой открыватель был сущим воплощением Будды и что, поскольку мир был все еще не готов для высшего откровения, он доверил свой секрет ученым. Среди поклонников христианства умы занимала точно такая же легенда с аналогичной личностью. Обновленное Христианское Братство, к этому моменту чрезмерно усиленное самыми влиятельными из западных церквей, почитало изобретателя как Сына Божьего, который, в своем Втором Пришествии, намеревался привести на землю золотой век, тысячелетнее Царство Христово, опубликовав секрет столь божественной силы; но, обнаружив людей все еще неспособными использовать на практике даже более примитивную проповедь любви, которая была обнародована при его Первом Пришествии, он принял страдальческие муки ради спасения человечества и доверил свой секрет только ученым.

Работники науки всего мира с давних пор были организованы в тесное сообщество. Вступить в Международную Научную Корпорацию можно было лишь только сдав экзамен и уплатив значительный взнос. Членство в Корпорации предоставляло титул «ученого» и право на производство экспериментов. Оно же, кроме того, было и неременным условием для многих выгодных постов. Более того, поговаривали, что существуют некоторые технические секреты, которые члены Корпорации поклялись не разглашать. Был слух, что, во всяком случае после одного случая незначительной болтовни, нарушивший это правило загадочно умер.

Наука же как таковая, вся совокупность естественных знаний, стала к этому времени столь сложной, что отдельный разум мог усвоить лишь малую долю ее. Поэтому студенты, изучавшие какую-то одну область науки, практически ничего не знали о работах других людей в родственных сферах. Это было особенно характерно для такой сложной науки, как субатомная физика. Внутри этой области содержалась дюжина всяких направлений, каждое из которых было столь же сложным, как вся физическая наука девятнадцатого столетия от Рождества Христова. Эта возрастающая сложность вынуждала изучающих одну область все более неохотно подвергать критике или даже пытаться понять принципы других отраслей знаний. Каждое небольшое отделение, ревниво охраняющее собственные интересы, было до мелочей придирчиво, когда дело касалось уважения других. В ранний период науки направлялись и

оценивались с философской точки зрения своими собственными лидерами и философами от техники. Но философии как строго научной дисциплины больше не существовало. Разумеется, была весьма туманная структура идей, или предположений, основанных на науке и наиболее общих для всех людей – популярная псевдонаука, созданная журналистами из обрывков фраз, циркулировавших среди ученых. Но настоящие деятели науки гордились неприятием этой обветшавшей структуры – даже тогда, когда они непреднамеренно допускали ее существование. И каждый настаивал, что его особый предмет обучения должен непременно оставаться непонятным даже для большинства ученых собратьев.

При таких обстоятельствах, когда слухи утверждают, что загадка Горделпаса известна физикам, каждое отделение субатомной физики, с одной стороны, с сожалением открыто отрицало свою роль в этом деле, а с другой – было готово поверить, что какое-то другое отделение и в самом деле обладало этим секретом. В результате поведение ученых как единого организма усиливало общую уверенность в том, что они знают, но не собираются говорить об этом.

Почти два века спустя после образования первого Всемирного Государства, Президент Мира заявил, что пришло время для формального объединения науки и религии, и созвал конференцию ведущих представителей этих двух влиятельных направлений. На том самом острове в Тихом океане, что стал Меккой духа космополитизма и теперь служил широко известным, легендарным Храмом Мира, лидеры буддизма, магометанства, индуизма, Обновленного Христианского Братства и Современной Католической Церкви Южной Америки пришли к соглашению, что их различия были всего лишь различиями внешних форм выражения. Все до одного были поклонниками Божественной Энергии, независимо от того, выражалась ли она в активной деятельности или в напряженной неподвижности. Все до одного признали святого Первооткрывателя как последнего и величайшего из пророков, действительного воплощения Божественного Движения. И было легко доказано, в свете современной науки, что оба эти направления по сути одно и то же.

В прежние века был обычай выискивать ересь и истреблять ее огнем и мечом. Но теперь тяга к единообразию завершилась разъяснением различий при всеобщем одобрении.

Когда конференция установила факт единства религий, она перешла к учреждению единства религии и науки. Всем известно, сказал Президент, что некоторые из ученых обладали высшим секретом, хотя, и это разумно, открыто не признавались в этом. Теперь пришло время, когда структуры науки и религии должны быть объединены для лучшего управления людьми. Поэтому он призвал Международную Научную Корпорацию выделить внутри себя некую отдельную группу, которая должна быть освещена церковью и называться Священным Орденом Ученых. Хранители же высшего секрета должны получить общественное содержание. Они должны полностью посвятить себя служению науке, и особенно исследованию научнейшим способом явления, связанного с поклонением Божественному Горделпасу.

Из присутствующих ученых лишь незначительное число чувствовали себя весьма неловко, зато большинство с трудом сдерживали свой восторг под маской гордого и глубокомысленного сомнения. Среди священнослужителей также наблюдались два отношения к происходящему, но в целом было ощущение того, что церковь за счет подобного соединения должна приобрести особый престиж науки. И это выражалось в первую очередь в том, что был основан орден, которому было предназначено стать доминирующей силой во всех человеческих делах до самого конца первой мировой Цивилизации.

3. Материальные достижения

Если не считать мелкие локальные конфликты, легко подавляемые силами Всемирной Полиции, человеческая раса на протяжении уже почти четырех тысяч лет представляла единое социальное объединение. В течение первого из этих тысячелетий материальный прогресс

был достаточно быстрым, но затем начались мелкие сбои вплоть до окончательного распада. Вся энергия человека была сконцентрирована на поддержании постоянного роста безумного уклада его цивилизации, пока, после очередных трех тысячелетий все возрастающих затрат, доступные источники энергии неожиданно не истощились. В тупике оказалась и творческая мысль, неспособная справиться с этим новым кризисом. Весь социальный порядок рухнул.

Мы можем пройти мимо самых ранних стадий этой цивилизации и исследовать ее в момент, когда она оказалась на том этапе, где начали ощущаться фатальные изменения.

Материальное положение человечества в этот период изумило бы всех его предшественников, даже тех, кто полагал себя наиболее цивилизованными существами. Но для нас, Последних Людей, был лишь чрезмерный пафос и даже комизм не только в этом глубоком разрыве между материальными достижениями и цивилизацией, но и в реальной недостаточности самого хваленного материального развития по сравнению с тем, что имеется в нашем обществе.

К этому времени облик всех континентов был почти полностью искусственным. Дикие животные сохранялись в естественном состоянии во множестве природных заповедников, которыми дорожили как музеями и центрами туризма; каждый из них был по площади не менее квадратной мили. Да и разницы между промышленными и сельскохозяйственными районами больше не существовало. Все континенты были урбанизированы, – разумеется, не в виде перенаселенных промышленных городов ранней эпохи, но тем не менее урбанизированы. Промышленность и сельское хозяйство повсюду были взаимно связаны. Отчасти это было возможно благодаря высокому развитию воздушных сообщений, отчасти же благодаря не менее удивительным достижениям в архитектуре. Успехи в области искусственных материалов позволили делать постройки в виде высоких изящных конструкций, которые, поднимаясь иногда на высоту до трех миль, а иногда даже и больше, при основании, на четверть мили уходящем ниже уровня земли, могли занимать на поверхности земли площадь до четверти мили в поперечнике. По форме эти структуры были большей частью крестообразные; и на каждом этаже, в центральной части креста, имелась посадочная площадка, обеспечивавшая прямую посадку с воздуха для маломерных частных аэропланов, которые теперь стали неотъемлемой частью жизни каждого взрослого человека. Эти гигантские архитектурные колонны, предвестники еще более гигантских сооружений грядущих веков, были разбросаны по каждому континенту с различной плотностью. Очень редко их разрешалось строить на расстоянии меньшем их высоты; с другой стороны, за исключением Арктики, они редко бывали удалены друг от друга более чем на двадцать миль. Таким образом, общий облик каждой страны скорее напоминал редкий лес обрубленных древесных стволов огромной высоты. Очень часто до середины высоты эти искусственные горные пики были окружены облаками, или были окутаны целиком, вплоть до нижних этажей. Обитателям верхних этажей было хорошо знакомо зрелище спящего океана облаков, испещренного со всех сторон чрезмерно высокими рукотворными островами. Высота верхних этажей была такова, что в них следовало поддерживать не только искусственное тепло, но и искусственное давление воздуха и снабжение кислородом.

Между этими колоннами, созданными для проживания и производства, повсюду находилась земля, зеленая или коричневатая, в соответствии с сезонными переменами в сельском хозяйстве, парки и природные заповедники. Широкие сероватые магистрали для перевозки тяжелых грузов словно сети опутали все континенты, но более легкий транспорт и тот, что обслуживал пассажиров, был исключительно воздушным. Над всеми густо населенными районами воздушное пространство буквально кишело самолетами, поднимавшимися на высоту до пяти миль, а выше – гигантские воздушные лайнеры постоянно курсировали между континентами.

Предпринимательство уже в далеком прошлом принесло цивилизацию почти в каждый уголок суши. Сахара была озерным краем, занятым исключительно солнечными курортами. Арктические острова Канады, изобретательно обогреты перенаправленными тропическими

течениями, стали родным домом для выносливых северян. Побережье Антарктики, размороженное точно таким же образом, постоянно заселялось теми, кто нанимался разрабатывать залежи полезных ископаемых в глубинных районах материка.

Значительная часть энергии, необходимой для поддержания всей этой цивилизации получалась из зарытых глубоко в земле в виде каменного угля остатков доисторической растительности. Несмотря на то, что после основания Всемирного Государства топливо Антарктики расходовалось очень экономно, новые месторождения нефти были исчерпаны менее чем за три столетия, и люди были вынуждены приводить в действие свои аэропланы электричеством, вырабатываемым посредством каменного угля. И скоро, к сожалению, стало очевидно, что даже необычайно богатые месторождения угля в Антарктике не будут вечными. Отсутствие нефти дало человечеству поучительный урок, заставив их прочувствовать реальность энергетической проблемы. В тот же самый момент космополитический дух, учивший рассматривать всю человеческую расу как соотечественников, постепенно также начал расширять свой взгляд и смотреть на вещи глазами будущих далеких поколений. В течение первого, и самого разумного, тысячелетия существования Всемирного Государства наблюдалась широко распространенная решимость не подвергать опасности будущее за счет расточительной траты энергии. Поэтому существовала не только строгая экономия (первая предпринятая во всем мире крупномасштабная деловая акция), но были сделаны и попытки использовать более долговременные источники энергии. Очень широко использовался ветер. На каждом здании электроэнергию вырабатывали множество ветряков, и точно такой же вид имела каждая заметная вершина, в то время как любой более-менее значительный перепад воды принудительно направлялся через турбины. Все еще очень важным оставалось использование энергии, получаемой из вулканов и из скважин, достигавших подземного тепла. Это, как надеялись, должно было решить энергетическую проблему раз и навсегда. Но даже в этот период Всемирного Государства изобретательный гений не был тем, кем он должен бы быть, и не было найдено ни одного удовлетворительного способа получения энергии. В результате ни на одной из стадий этой цивилизации вулканические источники не сделали ничего большего, чем дополнительные разрезы на удивительно богатых угольных залежах Антарктики. В этом регионе уголь залегал на гораздо большей глубине, чем где-либо еще, потому что каким-то случайным образом внутреннее тепло Земли не было здесь достаточно сильным, как в иных местах, чтобы преобразовать внутренние пласты в графит. Другой возможный источник энергии, как было известно, существовал в океанских приливах и отливах, но использование его было запрещено, потому что это движение было по своей сути астрономическим и почиталось как священное.

Возможно, что самое величайшее достижение Первого Всемирного Государства в его самый ранний и наиболее оживленный период заключалось в профилактической медицине. Хотя биологические науки с давних пор стали производными по отношению к фундаментальным теориям, они продолжали приносить много практической пользы. Уже давно ни мужчины, ни женщины не испытывали страха ни за себя, ни за своих близких по поводу таких бедствий как рак, туберкулез, ангина, ревматические болезни и сильные расстройства нервной системы. И больше не было неожиданных опустошающих эпидемий, вызванных микробами. Не было больше тяжелых родов, и сама принадлежность к женскому полу перестала быть источником страданий. Больше не было хронических инвалидов и пожизненных калек. Осталось лишь старение; и даже это могло быть многократно облегчено физиологическим омоложением. Устранение всех этих древних источников слабости и мучений, которые в прежние времена калечили расу и преследовали множество людей либо откровенным ужасом, либо смутным и едва осязаемым падением духа, теперь повсеместно принесло жизнерадостность и оптимизм, невозможные для прежних людей.

4. Культура Первого Всемирного Государства

Таковы были материальные достижения этой цивилизации. Даже и в половину подобного искусственно созданного, сложного и благоприятного не существовало раньше. Ранняя эпоха, разумеется, тоже ставила перед собой ряд подобных идей, но мания национализма отвращала ее от достижения необходимого экономического единства. Эта же, современная цивилизация, однако, полностью переросла национализм и потратила множество веков мирной жизни на собственную консолидацию. Но к какому концу она пришла? Ужасы нищеты и болезней были устранены, дух человека освободился от калечащей его ноши и смог отважиться на смелые предприятия. Но, к несчастью, его разум пребывал к этому времени в значительном упадке. И потому эта эпоха, еще более чем «пресловутый» девятнадцатый век, была великой эпохой сплошного самодовольства.

Каждый индивидуум представлял собой хорошо питающееся и физически здоровое человекообразное животное. И притом он был экономически независим. Его рабочий день никогда не превышал шести часов и зачастую равнялся четырем. Он пользовался значительной частью промышленной продукции и во время отпуска мог свободно путешествовать на своем самолете вокруг планеты. При удаче годам к сорока он мог обрести богатство, даже в то время; а если удача ему не улыбнулась, то все равно он мог рассчитывать на определенный достаток еще до наступления восьмидесяти, когда он мог рассчитывать еще на столетие активной жизни.

Но несмотря на такое материальное процветание, он был рабом. Его работа и его досуг состояли из лихорадочной активности, прерываемой моментами ленивого равнодушия, которое он считал как греховным, так и неприятным. Если он не был представителем сверхпреуспевающего меньшинства, он был склонен к минутным раздумьям, слишком бесформенным, чтобы называться медитациями, и тоске, слишком слепой, чтобы ее можно было выдать за желание. Потому что он и все его современники находились во власти определенных идей, которые препятствовали им в обретении полноты человеческой жизни.

Одной из этих идей была идея прогресса. Для отдельного человека предназначение, возложенное на него религиозным учением, заключалось в постоянном достижении новых успехов в авионавтике, сексуальной свободе и богатстве. Для общества в целом идеалом тоже был прогресс, и прогресс именно того же невежественного свойства. Еще более замечательная и широко развитая авиация, еще более многочисленные открытые сексуальные связи, еще более расширенное производство и потребление должны были еще больше приводиться в соответствие с еще более усложненной в своей организации социальной системой. Поэтому за последние три тысячи лет установился прогресс именно такого грубого сорта, но этот факт являлся скорее источником гордости, чем сожаления. Он подразумевал, что цель была уже в основном почти достигнута, то есть создано то совершенство, которое должно оправдать высвобождение секрета божественной силы и торжественное открытие эры несравненно более могущественной активности.

Потому что общераспространенная идея, буквально подавляющая человечество, заключалась в фанатичной вере в движение. Горделпас, Первичный Двигатель, требовал от человеческих существ, каждое из которых считалось его земным олицетворением, быстрой и сложной активности, и таким образом перспектива личной жизни каждого индивидуума зависела от выполнения этого обязательства. Странно, но хотя наука давным-давно разрушила веру в бессмертие как неотъемлемый символ человека, выросла дополнительная вера в факт, что те, кто включился в активную деятельность, были навечно сохранены, неким особым чудом, в постоянно движущемся духе Горделпаса. Поэтому с детских лет до самой смерти поведение личности было определено обязанностью развивать как можно большую деятельность, посредством ли собственных мышц или путем управления силами природы. В экономической иерар-

хии заслуживали уважения три профессии, почитаемые почти так же, как Священный Орден Ученых, а именно: полеты, танцы и атлетика. Каждый практиковался в этих трех областях до определенного уровня, потому что они были определены религией, но профессиональные летчики и инженеры-аэронавты, профессиональные танцоры и атлеты составляли привилегированный класс.

По нескольким причинам особой чести были удостоены полеты. Они имели чрезвычайно важное практическое значение как средство связи, и как самое быстрое средство передвижения они учреждали высшую форму поклонения. Случайное совпадение, что форма самолета совпала с основным символом древнего христианства, добавило полетам дополнительный мистический смысл. Потому что, хотя дух христианства и был утерян, многие его символы сохранились в новой вере. Более важной причиной преобладания полетов было то, что поскольку военные действия давно ушли в прошлое, авиация, как естественный вид опасности, стала главным способом выхода природной склонности к риску современного человекообразного животного. Молодые мужчины и женщины с готовностью рисковали своими жизнями во имя Горделпаса и их собственного спасения, в то время как их старшие наставники получали косвенное удовлетворение в этом бесконечном празднике молодой удали. Разумеется, если не считать острых ощущений от занятий благочестивым воздушным пилотажем, то было невероятно, что человечество так долго сохраняет взаимный мир и свое единство. В каждом религиозном центре во время часто повторяющихся Дней Священных Полетов выполнялись традиционные коллективные и индивидуальные полеты. Когда такое случалось, то все небо бывало разукрашено замысловатыми узорами из тысяч самолетов, кружащихся, кувыркающихся, парящих, ныряющих в безупречном порядке и на разной высоте; танец, совершавшийся на одном уровне, с большим искусством дополнял танцы совершавшиеся в это же время на других. Казалось, будто произвольные внутренние переливы направлений огромных стай травников и чернозобиков обретали тысячекратную сложность и были подчинены единой непрерывно развивающейся теме танца. Затем, совсем неожиданно, все разлеталось на куски у самого горизонта, оставляя небо свободным для квартетов, дуэтов и соло самых блистательных, посвятивших себя полетам, звезд. Обычно и ночью множество самолетов, снабженных цветными огнями, описывали в самом зените непрерывно меняющиеся символические огненные рисунки. Кроме вот таких воздушных танцев на протяжении восьми сотен лет существовал еще и обычай время от времени отражать в плотном потоке самолетов, растянувшихся почти на шесть тысяч миль, священные строки Горделпаса, чтобы это великое достояние могло быть увидено на других планетах.

В жизни каждого отдельного человека полеты играли весьма существенную роль. Сразу после рождения он попадал в руки жрицы полетов и падал, привязанный к парашюту, чтобы затем быть ловко пойманным на крыло самолета его отца. Подобный ритуал служил замечательной методикой по предотвращению беременности (запрещенных, как идущих вразрез с культом божественной энергии): поскольку к тому времени у многих младенцев совершенно атрофировался древний эффект спазматических конвульсий, большинство новорожденных падали спокойно, но вдребезги разбивались об отцовские крылья. В юношеском возрасте каждый человек (мужчина или женщина) первый раз в жизни брался за штурвал самолета, и с тех пор вся его жизнь оказывалась пронизанной суровыми воздухоплавательными упражнениями. Начиная со среднего возраста, то есть лет со ста, когда он уже не мог рассчитывать подняться на очередную ступень в иерархии людей, занятых активными полетами, он продолжал ежедневно летать с чисто практическими целями.

Две другие формы традиционной активности, то есть танцы и атлетика, вряд ли были менее важными. Да и они не были совсем привязаны к земле. Потому что определенные церемонии торжественно отмечались танцами на крыльях поднявшегося в воздух самолета.

Танцы ассоциировались, главным образом, с негритянской расой, занимавшей в это время весьма своеобразное положение в мире. Фактически, огромные различия в цвете кожи среди человечества в этот период начинали ослабевать. Разросшиеся связи между отдельными районами заставили так перемешаться черные, коричневые, желтые и белые породы людей, что буквально повсюду было неразличимое по расовому признаку большинство. Нигде не было сколько-нибудь значительного количества людей определенной расы. Но каждый древний тип допускал возможность, и теперь, и впоследствии, неожиданного проявления в отдельных индивидуумах, особенно на территориях давнего обитания. С такими «откатами» обычно поступали особыми и исторически уместными способами. Так, например, в случае проявления ярко выраженной негритянской породы доверялось исполнение большинства священных танцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.